

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

КОРОНА
ПОСЛЕДНЕЙ ПРИНЦЕССЫ

ОНА ОСТАЛАСЬ ПОСЛЕДНЕЙ В РОДУ И ОБЯЗАНА ВЫЖИТЬ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Корона последней принцессы

«ЭКСМО»

2010

Леонтьев А. В.

Корона последней принцессы / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2010

Алена приехала в небольшую страну на Балканах вместе со своим отцом. Профессора Кочубея, специалиста по судебной антропологии, избрали главой международной комиссии, которая должна провести экспертизу останков расстрелянной королевской семьи. Работа была проделана большая, осталось лишь огласить итоги. Но отца убили, а за его ноутбуком началась настоящая охота! С Аленой тоже стало твориться необъяснимое – сначала девушку объявили опасной преступницей, потом на ее жизнь несколько раз покушались... Кажется, все дело в легенде, что принцессе Василисе Любомирович много лет назад удалось спастись от гибели, и сейчас кому-то очень не выгодно оглашение результатов исследования. Неужели она до сих пор жива? Алена сама берется раскрыть эту тайну...

© Леонтьев А. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Василиса	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Антон Леонтьев

Корона последней принцессы

Светлой памяти моей мудрой и горячо любимой бабушки Лены, давшей мне путевку в жизнь и настоявшей на том, чтобы ее первый внук был назван не Димой или Сережей, а Антоном

* * *

– Госпожа Кочубей, мои самые искренние соболезнования!

Высокий седовласый мужчина в хорошо сидящем черном костюме, с черным же галстуком, в узле которого матово посверкивала белая жемчужина, поднялся навстречу Алене, вышедшей из кабинета главного патологоанатома.

Все происходящее представлялось Алене дурным сном. Она не знала, как себя вести и что делать. Ей казалось, что вот-вот все прекратится, она откроет глаза – и окажется в кровати. Выяснится, что ей пригрезился ночной кошмар и что все на самом деле в полном порядке.

И самое главное – что ее папка, горячо любимый единственный папка, жив.

– Господин профессор Кочубей был гордостью международной науки! Это невосполнимая потеря для всех нас! От лица Академии наук соболезную вам, уважаемая госпожа Кочубей, и вашему семейству! Разумеется, с учетом трагических обстоятельств все расходы по погребению берет на себя академия...

Мужчина вещал о чем-то еще, а Алена стояла рядом и смотрела в пустоту. «Этого не может быть, не может быть, не может быть... – билась у нее в голове единственная мысль. – Папа ведь был совсем еще даже не старый. А, ну да, он ведь умер не от болезни, его убили...»

Девушка почувствовала, что в горле встал комок, а на глаза наплывают слезы, и приказала себе держаться. Ведь она, в конце концов, дочь самого Павла Леонидовича Кочубея, ученого с мировым именем, признанного эксперта в области судебной антропологии! И она не имеет права распускать нюни!

Но на сердце было ужасно тяжело, хотелось убежать, унести ноги из этого унылого, уродливого бетонного здания, на табличке у входа в которое значится: «Столичный институт судебной медицины». Хотелось кинуться прочь, обратно в гостиницу, залезть под одеяло, накрыться им с головой и зареветь всласть. Только это не поможет. Не поможет вернуть папку к жизни. Ее дорогого, милого, неисправимо оптимистичного папку. Профессора Павла Леонидовича Кочубея.

Представитель Академии наук продолжал декламировать что-то пафосным тоном на не очень чистом английском. К Алене подошел невысокий лысый мужчина в белом халате и произнес:

– Госпожа Кочубей, если не ошибаюсь? Прошу вас следовать за мной!

Алена извинилась перед типом из академии и отправилась по длиннющему коридору вслед за коротышкой в халате. Девушка была готова следовать за ним дни, месяцы, годы напролет, потому что знала: когда они достигнут конечной цели, ей придется столкнуться лицом к лицу с ужасной правдой.

Они зашли в лифт, который унес их куда-то в недра Столичного института судебной медицины – под землю. Как будто в преисподнюю! И снова бесконечный коридор, стены которого выкрашены унылой болотной зеленью. Миновали двери на фотоэлементах и оказались в просторном зале. Алена поежилась, но не столько от холода, сколько от страха. Коротышка в халате подошел к блестящим металлическим ячейкам, вмонтированным в стену. Уверенным, привычным движением потянул на себя один из стальных квадратов.

Перед Аленой предстало человеческое тело. Девушка поспешно отвернулась, чувствуя спазмы в горле. «Не может быть, не может быть, не может быть...» – вновь застучало в ее голове. Она уставилась на потрескивающую и мигающую неоновую лампу в противоположном конце помещения. Алене казалось, что пока она не бросит взгляд на тело, все будет в полном порядке. Все будет по-старому. Возобновится прежняя привычная жизнь, прерванная телефонным звонком ранним утром около двух часов назад. Этот звонок изменил всю ее жизнь. Потому что представитель полиции сообщил ей, что найдено тело ее отца-профессора.

Слово «тело» не оставляло надежды. Это значило, что папка... что ее милый, родной папка мертв! И ее просили посетить морг Столичного института судебной медицины, чтобы принять участие в процедуре официального опознания покойного. Морг... Какое жуткое, уродливое слово!

После звонка Алена вела себя как сомнамбула. Быстро оделась и спустилась в холл гостиницы – ее должен был забрать автомобиль. Она была уверена, что произошла нелепая ошибка. И отчего-то решила, что столкнется с папкой именно там, в холле. И что они вместе вернутся в номер, весело болтая. И тотчас забудут о страшном недоразумении.

Но, похоже, все вокруг были уверены в том, что ее отец мертв. У покойника, на опознание которого ее пригласили, были найдены документы. Но ведь это ничего не значит, твердила Алена, сидя в автомобиле, который нес ее по ночной столице. Документы у папки могли, к примеру, украсть – его рассеянность легендарна! Карманнику не составляло ни малейшего труда стырить бумажник с паспортом. А потом тот самый воришка угодил под машину – и все решили, что это и есть профессор Кочубей.

Только вот незадача: в паспорте имеется фотография, как и на прочих документах, которые носил с собой папка. И полицейские наверняка бы заметили, что человек, лежащий на асфальте, совсем не похож на фото в паспорте. Но мало ли среди работников местных правоохранительных органов ротозеев и растяп! Ведь эта небольшая балканская страна, в которую около месяца назад прибыл профессор Кочубей в составе российской делегации, пользовалась не самой лучшей репутацией: коррупция среди чиновничества была притчей во языцех, полицейские продавали душу за пару сотен долларов, напасть и обворовать могли посреди бела дня у мавзолея здешнего тирана, товарища Хомучека. Поэтому Алена была уверена, что фарс разрешится сам собой. Самое позднее – тогда, когда она прибудет в этот самый Столичный институт судебной медицины.

Но в институте никто не бросился приносить ей свои извинения и заверять, что произошла ошибка. Более того, ее принял заместитель директора, который отлично говорил по-русски (учился в свое время в Ленинграде, а потом защищал кандидатскую в Москве). Он принялся восхвалять заслуги ее отца, которого, оказывается, знал лично. И его горестные вздохи не оставляли надежды – тело он уже видел и не сомневался, что профессор Кочубей мертв.

Только оказалось, что вовсе не несчастный случай послужил причиной смерти. Папка был убит – об этом поведал тот же заместитель директора института судебной медицины. Профессора нашли в одном из переулков в квартале «красных фонарей». Кто-то ударил его несколько раз сзади куском чугунной трубы – орудие убийства нашли всего в нескольких метрах от тела. Смерть, как уверял заместитель директора, видимо считая, что это успокоит Алену, наступила практически мгновенно.

Только тогда девушка поняла весь ужас ситуации. А теперь она стояла около тела и смотрела в противоположную сторону, сосредоточив взгляд на потрескивающей неоновой лампе.

– Госпожа Кочубей, прошу вас взглянуть на тело!

Голос коротышки в белом халате вернул Алену к действительности. Но ей вовсе не хотелось возвращаться в этот жестокий, полный несущих несчастье ночных телефонных звонков мир! Нет, не так. Ей хотелось повернуть сейчас голову – и увидеть перед собой тело абсолютно

чужого человека. Человека, который никак не мог быть ее папкой. Человека, который не звался Павлом Леонидовичем Кочубеем.

Но еще до того, как Алена перевела взгляд с мигающей лампы на мертвеца, она уже поняла: самые дурные предчувствия подтвердились. И никакая это не ошибка.

На стальном поддоне лежал ее любимый папка. Его седые усы, родинка в уголке левого глаза. И раны на голове! Девушка покачнулась, и патологоанатом подоспел ей на помощь. Но Алена уже справилась с дурнотой, длившейся всего долю секунды.

Она должна вести себя так, как учил ее папка. Не время давать волю эмоциям. Она должна быть сильной, очень сильной! Именно так говорил он ей шесть лет назад, когда маме поставили неутешительный диагноз – лейкомия. Тогда они надеялись на чудо, а также на успехи медицины. Но полгода спустя стало ясно, что лечение не сможет спасти маму. Так они и остались с папкой вдвоем. Алена знала, что когда-то ей придется прощаться и с ним. Но была уверена – этот момент наступит еще не скоро, очень не скоро!

И вот этот момент наступил. Как будто долгое путешествие внезапно закончилось. Как будто она, долго плутая по лабиринту, вдруг вывернула за поворот – и узрела бездонную пропасть.

Полиция не ошиблась. Не обманывал и заместитель директора. Это был он, профессор Павел Леонидович Кочубей. Ее папка. Он лежал перед ней, накрытый по грудь простыней. С головой, изуродованной ударами чугунной трубы.

– Да, это мой отец, – произнесла еле слышно Алена.

Патологоанатом, видимо не расслышавший или не понявший девушку, вскинул на нее глаза. Алена, кашлянув, оторвала взор от тела и произнесла громко и четко:

– Да, это мой отец! Могу ли я остаться с ним наедине?

– Вне всяких сомнений, – ответил коротышка.

Требовалось подписать какие-то бумаги, видимо, протокол официального опознания. Алена не стала ничего читать – ей бросилось в глаза имя отца, напечатанное жирным шрифтом. В Герцословакии, где она находилась, использовали также кириллицу, так что проблем с пониманием не было...

Забрав документы, коротышка тактично вышел. Алена прикоснулась к щеке покойника. Какая же, однако, холодная! А ведь прошло всего несколько часов с тех пор, как они видели папку в последний раз – живым и невредимым, разумеется. И она не помышляла о том, что... Что больше они никогда не смогут поговорить, перебраться шуткой, просто вместе помолчать.

Алена отошла от тела. Ее нервы были на пределе. Ей хотелось зарыдать, но она не могла вести себя как истеричная девица. Папка бы этого не одобрил.

– Папа, я очень тебя люблю, – прошептала девушка и, вернувшись к телу, поцеловала покойника в лоб. Затем вышла в коридор. Она отказалась от того, чтобы ее проводили наверх, и самостоятельно отправилась к лифту.

Когда дверцы сомкнулись и кабина, загудев, пришла в плавное движение, Алена прислонилась к металлической стенке и закрыла глаза. Слезы потекли сами собой. Она знала, что горе настигнет ее – рано или поздно. Так было и с мамой. Хуже всего стало после похорон, когда разошлись соболезнующие, когда она осталась с папкой в большой, неудобной квартире. Потому что тогда она окончательно поняла, что повернуть время вспять не получится. Потому что осознала, что это не кошмарный сон. Потому что она осталась с болью наедине. Вот и сейчас с ней происходило то же самое.

Если бы они только не поехали в эту Герцословакию, если бы папка не принял это предложение, если бы только царскую семью не расстреляли и не потребовалось бы спустя много десятилетий эксгумировать останки и проводить процедуру их опознания...

Если бы, если бы, если бы... Алена горько заплакала, потому что вдруг поняла, что теперь она – одна-одинешенька. У нее нет больше никого. Вот и папка, дорогой, замечательный папка, тоже ушел в вечность. Ах, если бы тогда, месяц назад, все сложилось по-другому...

* * *

– Дочка, это уникальное предложение! – произнес Павел Леонидович Кочубей.

Профессор Института общей генетики им. Н.И. Вавилова Российской академии наук пошевелил седыми усами и выразительно взглянул на дочку. Алена, его гордость, сокровище и правая рука, пошла по стопам отца – закончив, как и тот когда-то, медицинский институт, она училась теперь в аспирантуре, и научным руководителем у нее был не кто иной, как родной отец. Только это вовсе не облегчало ее участи, а, наоборот, возлагало огромную ответственность. Алена знала, что с нее особый спрос, что все сравнивают ее со знаменитым отцом, имя которого было отлично известно не только в России, но и за рубежом. То, что прощалось другим аспирантам, никогда не прощалось ей. Поэтому Алена должна была представить не просто хорошую, крепкую диссертацию, а нечто из ряда вон выходящее. И отец дал ей понять, что поможет советом и укажет, как скомпоновать материал, однако вовсе не собирается нянчиться с дочерью – она сама должна доказать, что является настоящим ученым и носит фамилию Кочубей по праву. Отец даже был излишне строг с Аленой, щепетильно считая, что если она его отпрыск, то на этом все ее привилегии и заканчиваются. Обычно, читая куски ее диссертации или статью для научного журнала, профессор Кочубей был крайне придирчив, порой даже не оставлял в них камня на камне. У Алены каждый раз сердце сжималось, когда отец поднимал вверх костлявый указательный палец правой руки и провозглашал:

– А вот этот момент я вообще считаю nonsensom!

Затем следовала лекция на полчаса, а то и больше. И как только ей удалось все-таки защитить диссертацию... Даже не верилось! Алене специально задавали каверзные вопросы, потому что на защиту дочери самого Кочубея сбежался весь институт. Да и папины недоброжелатели, которых, как у каждого известного ученого, было немало, специально притащились, дабы попытаться потопить Алену. Ничего не вышло! Было задано двадцать три вопроса, и с ответами она отлично справилась. Во всяком случае, ей так показалось. А вот папка после защиты хоть и поцеловал и поздравил, но вид у него был такой, будто дочь не выдержала испытания. Неужели и в самом деле она оплошала? А все уверяли, что это была лучшая защита за последние годы...

С другими своими аспирантами отец вел себя иначе – и на ошибки указывал не так категорично, и часто хвалил, даже когда причин-то особых не было, и морально поддерживал. Взять, к примеру, Катюшу Горицветову. Если Алена считалась правой рукой профессора Кочубея, то Катюша была, видимо, левой. Великовозрастная девица с восковым лицом и медными волосами, собранными на затылке в старомодный узел, Катюша не признавала джинсов или брюк для женщин, предпочитала в одежде темные тона и глухие стоячие воротнички, носила круглые очки и уделяла повышенное внимание корректному произношению, говоря «творо€г», «щаве€ль», «обеспе€чение». Катюша была по уши влюблена в Павла Леонидовича (что являлось секретом Полишинеля), постоянно тряслась о его здоровье и корила за страсть к никотину. Алена даже называла ее в шутку «мачехой», отчего Катюша всегда вспыхивала, заливалась свекольным румянцем и отвечала:

– Алена, я благоговею перед твоим отцом как перед великим ученым! Он для меня авторитет в области науки! А в науке, как тебе доподлинно известно, нет места чувствам!

Таким высокопарным слогом Катюша всегда и выражалась. Видимо, сказывалось ее увлечение Толстым и Мопассаном.

Алена постепенно свыклась с мыслью, что рано или поздно Катюша в самом деле станет ее мачехой, выйдя замуж за отца. И она бы сама была последней, кто возражал бы против этого союза. В конце концов, папка ведь живой человек, и блюсти вечный траур по скончавшейся шесть лет назад маме было бы более чем странно.

И вот наступил тот летний день... Экзаменационные страсти в институте были в разгаре, а отец сообщил Алене, что получил официальное приглашение от правительства Республики Герцословакия, расположенной у Адриатического моря, на Балканах. Ему предлагали возглавить экспертную комиссию по эксгумации и идентификации останков королевской семьи Любомировичей, бывших правителей горного государства, когда оно было еще монархией. То есть до того, как в стране начали строить коммунизм под руководством мудрого товарища Хомучека, балканского Сталина.

Папка, помимо всего прочего, увлекался историей, политологией и философией, а также опубликовал под псевдонимом «Леонид Павловский» восемь исторических детективов. Правда, это было строжайшей тайной, разглашению не подлежавшей даже под страхом смертной казни. Страсть отца к гуманитарным наукам Алене по наследству не передалась, и она во всем доверяла поистине энциклопедическим знаниям профессора Кочубея.

– Дочка, это уникальный шанс! – заявил тот с апломбом, и его костлявый палец вознесся вверх. – Правда, у меня запланированы лекции в Монреале... Но я канадцам откажу – они, безусловно, поймут!

Если Павел Леонидович загорался какой-то идеей, то никто и никаким образом не мог его переубедить.

– Ты поедешь со мной! – безапелляционно заявил профессор Алене. – Думаю, до сентября мы справимся. Потому что место захоронения останков локализовано, их надо только извлечь и идентифицировать. Так что никаких проблем не возникнет. Катюша тоже поедет.

Алена знала, что Катюша вообще-то собиралась летом навестить больную бабушку в Орле, но такие мелочи отца не занимали. Наука прежде всего – для него самого и всех прочих!

– Герцословаки собирают команду лучших из лучших! – продолжал Павел Леонидович в упоении. – И мне предложено возглавить интернациональную рабочую группу! Это несомненная честь! Я знаю, что профессор Хохмайер из Германии или профессор Дорнетти из Швейцарии тоже не отказались бы занять данный пост, но герцословаки остановили свой выбор на мне!

Ну да, папке не было чуждо тщеславие. Впрочем, он имел на то право – в своей области он действительно был лучшим из лучших.

– Но ведь останки королевской семьи уже давно обнаружили, – только и заметила Алена. – Чем тут, собственно, заниматься? Грубо говоря: вырыли, поместили в гробы да и похоронили бы в кафедральном соборе. Отчего вдруг такая суматоха?

От ее слов Павел Леонидович аж перекосялся. Алена намеренно его немного поддела – папка иногда зазнавался.

– Алена, что я слышу? И от кого – от моей дочери? Такие речи недостойны настоящего ученого! Да, местонахождение останков королевской семьи, расстрелянной герцословацкими коммунистами тридцать первого декабря 1945 года по прямому приказанию товарища Хомучека, диктатора этой прелестной страны, было обнаружено в горах еще в середине семидесятых. Но Хомучек был тогда еще у власти, и по его приказанию штольню забросали гранатами, да еще устроили там свалку, дабы полностью искоренить воспоминания о последнем короле, его супруге и невинно убиенных детях! Напомню: а у нас, в России, на месте Ипатьевского дома бассейн возвели. В общем, и там, и здесь никакого чувства исторической ответственности!

Папка оседлал своего любимого конька – как о судебной антропологии, так и об истории он мог говорить часами.

– А ведь какие были раньше времена! – воскликнул профессор благоговейно. – Герцословакия считалась балканским раем. Ее морские курорты не уступали ничем Французской и Итальянской Ривьере. В былые времена туда, на пляжи побережья Адриатического моря, стекались сливки европейского общества – дворяне, денежные тузы, богема. Игрные дома ничем не уступали казино Баден-Бадена или Монте-Карло. Известные, а по большей части еще неизвестные поэты, художники, писатели, актеры, ставшие затем, впрочем, очень даже известными, принимали там солнечные ванны, насыщали организм минеральными водами, крутили романы и спускали деньги в казино... И все это на фоне великолепной архитектуры стиля модерн! Просто сюжет для моего нового романа!

Алена вздохнула. Папка зачастую бывал неумным. «Лекция» продолжалась.

– После кончины товарища Хомучека наступили времена оттепели. За почитание расстрелянных членов королевской семьи уже больше не ссылали на урановые рудники и не отправляли в расход. А когда в середине восьмидесятых православная церковь Герцословакии провозгласила убиенных мучениками и причислила к лику святых, к штольне, являвшейся все еще мусоркой, началось массовое паломничество. Потому что живы были еще те, кто помнил беззаботные и сытые времена монархии – тогда очередей за колбасой отчего-то не было, да и тайная королевская полиция, которую в книгах и фильмах представляли как своего рода балканское гестапо, по сравнению со спецслужбами коммунистического режима была, можно сказать, благотворительной организацией. А в детских букварях едва ли не на первой странице печаталась история о том, как злодейские сатрапы короля мучили коммунистов и бросили товарища Хомучека, тогда одного из лидеров подпольного движения, в острог. Его подвергали там чудовищным, прямо-таки нечеловеческим пыткам – не разрешали ему читать и перестали выдавать молоко, которое требовалось ему из-за язвы желудка. Одно слово – живодеры! Только когда к власти пришел товарищ Хомучек и иже с ним, ни книг, ни молока в тюрьмах вовсе не стало. Да и суд присяжных, который товарища Хомучека, кстати, дважды оправдывал, тоже исчез, уступив место «тройкам», кои не стеснялись выносить смертные приговоры по дюжине за час. Кстати, нигде не говорится, каким же образом товарищ Хомучек заработал язву желудка. А ведь оказывается, что от жирной и переперченной ресторанной пищи, которую ему поставляли из французского заведения напрямую в тюрьму. Тюремную-то баланду он на дух не выносил, а сочувствующие среди интеллигенции и буржуа оплачивали из своего кармана его сытные завтраки, обеды и ужины. А когда товарищ Хомучек дорвался до власти, он в первую очередь отправил на расстрел этих самых сочувствующих интеллигентов и буржуа. Потом принялся за своих верных соратников. Чуть позже и за народ. Излишне говорить, что те, кому повезло (то есть кто очутился в тюрьме, а не лег в сырую землю), не имели возможности заказывать еду из французского ресторана. Да и французские рестораны, которыми так славилась Герцословакия, как-то в одночасье закрылись...

Слушая лекцию, Алена усмехнулась: ее папка, некогда член КПСС, после развала Союза открыл в себе монархическую жилку.

– Так вот, последним коронованным правителем Герцословацкого королевства был Георгий III. Он правил с 1931 года по 1945-й. В 45-м Советская армия победоносно шла на Берлин, немцы убрались из горной страны, и там произошла буржуазная революция, король отрекся от престола. А затем товарищ Хомучек, сбежавший из тюрьмы (во время третьего процесса его все же приговорили к пожизненному заключению за разбойное нападение на банк и убийство четырех человек), чувствуя, что настал его час, устроил в столице Герцословакии заварушку, позже названную «Великой Герцословацкой социалистической революцией». В действительности это был отлично срежиссированный путч, оплаченный Советским Союзом. Короля вместе с семьей заключили под стражу, затем сослали в дальнюю горную провинцию. Страна раскололась на два лагеря – одни поддерживали старый режим, другие выступали за новый, коммунистический. Но король дискредитировал себя – якшался с нацистами, хотя офи-

циально в период Второй мировой войны Герцословакия сохраняла нейтралитет. Да к тому же придворная камарилья в последние годы совсем потеряла совесть, в королевском дворце скандал следовал за скандалом, и народу прежняя власть попросту опротивела.

Профессор Кочубей вздохнул и потянулся к портсигару. Алена проворно схватила его и убрала за спину. Павел Леонидович, который клятвенно обещал, причем уже много раз, что бросит курить, еще раз вздохнул и продолжил:

– У них имелся свой придворный маг, некое подобие нашего Распутина. Видимо, судьба последних Романовых ничему не научила последних Любомировичей. Так вот, этот тип вертел королем и королевой как хотел, а заодно и всей страной. Понятно, что все могло закончиться только одним – катастрофой. Что и случилось. Герцословакия стала, можно так сказать, первым очагом «холодной войны», которая, собственно, разразилась еще до окончания Второй мировой. Советский Союз и Запад во главе с Америкой тянули одеяло каждый на себя, желая поделить Европу в соответствии со своими представлениями. Советская армия до Герцословакии не дошла, поэтому капстраны считали это государство своей сферой влияния, в пику Тито в Югославии. Но товарищ Хомучек нарушил правила игры, сверг короля и объявил Герцословакию коммунистической державой. Поэтому Запад и Восток и вцепились друг другу в волосы, споря за обладание яблоком раздора – Герцословакией. Чтобы предотвратить возможную реставрацию монархии, товарищ Хомучек принял мудрое, с его точки зрения, решение – расстрелять всех членов королевского семейства, дабы подчистую уничтожить династию Любомировичей и тем самым сделать невозможным их возвращение на престол.

Алена сидела в кресле около письменного стола отца и внимала рассказу профессора. Она даже положила на столешницу портсигар. Павел Леонидович взял его, извлек сигарету, щелкнул зажигалкой и затянулся.

– Дочка, я знаю, что надо прекращать курить, но, скажем, последний король Герцословакии Георгий III тоже много курил. И умер вовсе не от рака, а от пули. Так что кто знает, может, и мне предстоит умереть вовсе не от страшной болезни, вызванной курением.

– Папа, прекрати! – воскликнула в сердцах Алена. – Такими вещами не шутят!

Страхнув в пепельницу пепел с сигареты, профессор Кочубей кивнул:

– Извини, дочка, ты права. Но вернемся к нашим королям. Говорят, что товарищ Хомучек телеграфировал в Москву, спрашивая совета, и Иосиф Виссарионович, не особо щепетильный, надо признать, в отношении чужих жизней человек, ответил ему: «Перестрелять, как бешеных собак. Всех до одного. Немедленно!» Товарищ Хомучек, получив индульгенцию от «старшего брата», последовал совету. Королевская семья была ликвидирована накануне Нового года. А затем, в течение нескольких дней, и ее ближайшие родственники. Правда, не все, потому что еще до начала войны некоторые из Любомировичей удрали из страны и осели кто в Скандинавии, кто в США, кто в Южной Америке. Вот это теперь и является главной проблемой.

Павел Леонидович затянулся в последний раз, затушил сигарету и сказал:

– На сегодня последняя, клянусь, дочка! Послушай далее. Герцословакия уже несколько лет ведет переговоры с Европейским Союзом о своем в нем членстве. И одно из условий принятия от страны заявки – решение проблем, связанных с так называемой реституцией, то есть возвращением незаконно отнятой собственности бывшим владельцам. В большинстве случаев этим занимаются суды или специальная комиссия, но что касается членов бывшей королевской семьи, то тут случай особый. Потому что король был абсолютным монархом, и ему принадлежала, по сути, вся страна. Но имелись и личные владения Любомировичей: замки, дворцы, пастбища, леса, шахты. Кстати, шахта, в которую были сброшены тела расстрелянных, тоже принадлежала королю. Какая мрачная ухмылка судьбы! А помимо того – коллекции картин, фарфора и монет, драгоценности, редчайшие книги и так далее. И еще счета в зарубежных банках, и даже золотой запас Герцословакии. Представители Любомировичей, которые между

собой грызутся за право называться претендентом на королевский престол, желают получить компенсацию, а лучше – сокровища своих предков. Этот скандал портит нервы нынешним правителям Герцословакии и уменьшает шансы на принятие страны в ЕС. Поэтому на самом высоком уровне было принято решение помириться с Любомировичами, кое-что им отдать (конечно, далеко не все, что они требуют), а в качестве моральной компенсации торжественно захоронить останки расстрелянной королевской семьи в главном кафедральном соборе столицы, Экареста.

– Но, папа, если известно, где лежат кости короля и его семьи, то зачем нужны международные эксперты? – поинтересовалась Алена.

– А для того, дочка, чтобы комар и носу не подточил! Потому что после расстрела короля по всему миру стали возникать якобы спасшиеся чудом принцессы и принцы. Особенно известен случай с принцессой Василисой. У короля Георгия и королевы Марии было пятеро детей – четыре сына и одна дочка, самый младший ребенок. Девочка являлась, наверное, наиболее любимым и избалованным отпрыском Любомировичей. Во время расстрела ей было около четырнадцати лет. Я ни секунды не сомневаюсь, что коммунисты всех уничтожили, что никто не мог никаким чудом спастись. Но лет десять спустя после расстрела, в пятидесятые годы, объявилась некая молодая дама, уверявшая, что она – избежавшая казни принцесса Василиса. Были и другие самозванки и самозванцы, но история с ней наиболее известная.

– А может, она не была самозванкой? – спросила Алена.

– Дочка! – рассмеялся Павел Леонидович. – Эта дамочка была такая же принцесса Василиса, как и великая княжна Анастасия, якобы спасшаяся в Екатеринбурге! Посмертная генетическая экспертиза останков Анны Андерсен, твердившей в течение многих десятилетий, что она является Анастасией Романовой, доказала, что она – обманщица, с царской семьей в родственных отношениях не состоявшая. Зато ее ДНК совпала с ДНК родственников одной польской девицы легкого поведения – уже давно ходили слухи, что она и играет роль «Анастасии».

* * *

Сборы не отняли много времени – профессор буквально горел желанием отправиться в Герцословакию и приступить к работе. Их делегация из трех человек – сам Павел Леонидович, Алена и Катюша Горицветова – вылетела в столицу балканского государства Экарест в начале июля.

Алена уже бывала несколько раз вместе с отцом за границей – то на научных симпозиумах, то в иностранных университетах, где профессор Кочубей читал лекции. Но Герцословакию она еще не посещала. Ее отец, являвшийся полиглотом, говорил в том числе на герцословацком, хотя и не очень хорошо. Впрочем, так как команда ученых была интернациональной, основным языком общения был английский, которым и профессор, и Алена владели вполне прилично.

Самолет доставил их из Шереметьева-2 в международный аэропорт Экареста. Их ожидали представители Академии наук Герцословакии, под эгидой которой и проводились изыскания. Прибывших гостей доставили в расположенную в центре Экареста гостиницу, некогда носившую имя «Ленинград», но после падения коммунистического режима и переориентации страны на Запад называвшуюся «Савой».

Чем-то Герцословакия походила на Россию, а Экарест – на Москву. Но имелся и местный, балканский, колорит. Да и пейзаж был совсем другим. Хотя столица и располагалась не у Адриатического моря, чувствовалось его влияние – влажный климат, пальмы в кадках около здания гостиницы.

Экарест оказался большим современным городом с населением в несколько миллионов человек. Архитектура здесь смешанная: кое-что сохранилось с дореволюционных времен, в

основном старинные величественные дворцы, в том числе и огромный королевский, являвшийся ныне, впрочем, музеем; имелись и «шедевры» социалистической эры – высотки по типу сталинских, а также серые уродливые многоэтажки; и, наконец, сомнительные архитектурные новшества последних лет, времен безудержного капитализма и повальной демократии – стеклянные небоскребы, места обитания тех, кто преуспел при новом режиме. Алена обратила внимание на то, что в Экаресте на каждом шагу встречаются ресторанчики или кафе – видимо, сказывалась привычка местных жителей хорошенько закусить. Сверкали огнями, особенно в ночное время, многочисленные казино.

Но представителям российской делегации было не до экскурсий по Экаресту, хотя на второй день пребывания, до пресс-конференции, намеченной на вечер, их и провезли по городу в специальном автобусе. Алена сделала много фотографий, а вот папка совсем не уделял внимания достопримечательностям – профессор Кочубей просматривал важные бумаги.

Во время пресс-конференции, имевшей место в большом зале главного корпуса Академии наук, Алена сидела среди журналистов, потому что за большим столом, застеленным зеленым сукном и уставленным множеством микрофонов, восседали исключительно эксперты, прибывшие со всех концов планеты, дабы принять участие в эксгумации останков королевской семьи. Девушка имела возможность впервые увидеть людей, статьи которых много раз читала и работы которых цитировала в своей диссертации. Слева от профессора Кочубея, находившегося в центре, сидел профессор Уве-Свен Хохмайер из Германии. Сухопарый, в больших очках в золотой оправе, с растрепанным венчиком волос вокруг лысины, он чем-то напоминал жульверновского профессора Паганеля. Как и папка, немец считался одним из ведущих специалистов в мире по судебной антропологии. Хохмайер то и дело бросал на своего соседа странные взгляды, и, несмотря на улыбку, игравшую на лице профессора из Мюнхена, Алена была уверена – он в глубине души чувствовал себя обойденным: еще бы, ведь руководителем команды исследователей был назначен не он, а русский! Девушка вспомнила: отец как-то обмолвился, что немецкий ученый – очень мнительный и злобредный человек.

Справа от профессора Кочубея находилась дама лет шестидесяти с хвостиком, с короткими седыми волосами и загорелым морщинистым лицом. Сразу было видно, что в молодости она была очень красива, да и сейчас ни у кого не повернулся бы язык назвать ее, Валерию Дорнетти, профессора из Женевы, старушкой. Она была живой как ртуть, постоянно улыбалась и говорила на всех мыслимых и немыслимых языках, в том числе на герцословацком без акцента и на русском с едва заметным акцентом.

Некоторых ученых Алена в лицо не знала. Она разглядела еще невысокого плотного француза с нафабранными таракаными усами и иссиня-черными, наверняка крашеными, волосами. Это был Этьен де ля Вильфор, который специализировался на исследованиях в области генетики и не так давно ошарашил ученый мир заявлением, что открыл секрет бессмертия. Парижский профессор был шумным, крикливым и громогласным, а к тому же, как подозревала Алена, завзятым ловеласом. А также девушка узнала тихую даму непонятного возраста (ей можно было дать как двадцать пять, так и сорок) азиатского происхождения – профессора Минг Кой из Южной Кореи.

Журналисты задавали в основном вопросы, не имевшие отношения к научным исследованиям. Профессор Кочубей призывал всех набраться терпения и подождать первых результатов.

Затем по залу пролетел гул. Репортеры потеряли интерес к ученым, развернув камеры и фотоаппараты в сторону входа. Там возникла странная процессия – пузатый мужчина лет за пятьдесят, в отлично сшитом старомодном костюме, из нагрудного кармашка которого торчал сиреневый платочек, держал под руку величественную даму в эффектном алом платье, с жемчугами вокруг шеи. Они вместе толкали инвалидное кресло на колесиках, в коем горделиво восседала пожилая хрупкая дама, в шикарном голубом платье, с бриллиантами в ушах, вокруг

запаятый и с тигрой в седых волосах. А вслед за ними плелся унылый, полноватый молодой человек с рыжими волосами, веснушчатым лицом и огромными оттопыренными ушами. Впрочем, одет он был как фотомодель – в дорожный приталенный костюм, который, однако, ничуть не улучшал внешность этого типа, а только подчеркивал многочисленные недостатки его рыхлой фигуры.

– Королевская семья, королевская семья! – пронеслось среди журналистов.

Катюша Горицетова, которая внимательно изучала всевозможные модные журналы, забытые великосветской хроникой, шепнула Алене:

– Дама в инвалидном кресле – младшая сестра последнего короля, расстрелянного коммунистами, Георгия III, герцогиня Зоя. Ей уже порядком за восемьдесят, она страдает артритом и не может ходить, к тому же плохо слышит, практически ничего не видит, однако является номинальной главой династии Любомировичей. По крайней мере той ее части, кто признает старшинство герцогини. Потому что имеются и побочные ветви, представители кузенов короля, которые утверждают, что именно они являются законными наследниками и единственными претендентами на престол. Вообще-то монархом в Герцословакии мог являться только мужчина, поэтому, по мнению многих, Зоя не может быть главой королевской семьи, и право на престол среди всех этих принцев, принцесс, великих князей и герцогов имеет один из троюродных братьев последнего короля.

Тем временем слово взял толстопузый тип, оказавший единственным сыном Зои, великим князем Кириллом. Его сопровождали супруга, великая княгиня Фелица, и их отпрыск, внук Зои, великий князь Борис, который, как считали многие, являлся основным претендентом на корону Любомировичей. Алена не могла представить себе, что этот лопоухий неуклюжий тип может стать королем. А если и станет, то он будет на редкость смешным и малопривлекательным монархом, решила девушка.

– Дамы и господа! – заговорил на великолепном английском великий князь Кирилл. – От лица моей глубокоуважаемой матушки, главы династии, герцогини Зои, я официально приветствую изыскания, направленные на то, чтобы восстановить историческую справедливость и предать наконец, по прошествии без малого семидесяти лет, кости последнего короля Герцословакии, его супруги, четырех его сыновей, единственной дочери, а также преданных слуг торжественному погребению по православному обычаю. Злодейское убийство его величества короля вместе с семейством послужило отправной точкой долгих десятилетий ужасающих репрессий...

Великий князь Кирилл, к которому Алена сразу же почувствовала непреодолимую антипатию, еще около четверти часа растекался мыслью по древу, вспоминая прежние времена, поливая грязью коммунистов и почти в каждом предложении не забывая упомянуть, что только он сам, его матушка и его сын являются претендентами на престол.

Затем произнесла несколько слов и герцогиня Зоя. Она отчеканила на редкость твердо и громко:

– Я являюсь единственным свидетелем тех великолепных времен! Я знаю, что скоро пробьет и мой час, и мне предстоит последовать в мир теней, где я встречу с моим горячо любимым старшим братом Георгием, королевой Марией, моими племянниками Феликсом, Каролом, Адрианом и Михаилом и моей крестницей и племянницей Василисой. О, она была прелестным, непосредственным, шаловливым ребенком! Как я ее любила и баловала! Но коммунисты не пожалели даже ее, девочку-подростка, которая никому в своей жизни не сделала ничего плохого!

– Ваше королевское высочество, а как быть со слухами о том, что Василиса сумела спастись? – задал вопрос кто-то из журналистов. – Ведь и в пятидесятые годы имелась претендентка, и даже сейчас существует дама, утверждающая, что она – принцесса Василиса...

Ответить хотел великий князь Кирилл, но Зоя властно подняла морщинистую руку, на которой сверкнули старинные перстни, и заявила:

– Все это самозванки, как тогда, так и сейчас! Я встречалась в пятидесятые годы с так называемой Василисой, которая заявляла, что она – моя племянница. С реальной принцессой у нее не было ну никакого сходства! Сразу было понятно, что это безграмотная крестьянка, решившая пойти по стопам бесчисленных Анастасий. Милая Василиса, которую я любила всем сердцем, была зверски убита, в том нет ни малейших сомнений! И я сама, не находясь я тогда в Великобритании с моим супругом, герцогом Джеймсом, тоже стала бы жертвой кровавого режима. Мне сказочно повезло, а вот моему брату, королю Георгию, и всем членам его семейства – нет. Они были убиты... были убиты...

Голос старой дамы дрогнул, и ее сын заявил, что больше вопросов задавать не следует – его матушка чувствует себя не очень хорошо.

* * *

На следующий день на небольшом самолете, предоставленном в распоряжение ученых одним из местных олигархов, члены международной группы вылетели в отдаленный горный регион, где и располагалась шахта, в которой покоились останки королевской семьи. Перелет занял около двух часов, и с высоты птичьего полета Алена могла любоваться в иллюминатор незнакомой красивой страной.

Горные провинции разительно отличались от местности, в которой находилась столица. Казалось, что здесь время замерло или даже что часы пошли вспять. Девушка видела хижины и домики, которые наверняка стояли здесь и пятьдесят, и сто лет назад. В горах были видны огромные отары овец. Патриархальная жизнь текла своим чередом, и никакие политические пертурбации не влияли на ее ход.

Самолет приземлился на небольшом военном аэродроме. Их встретили два небольших автобуса, которые повезли ученых к лагерю по дороге, где казалось, будто автомобили зажаты между высоченными горами и уводящей в бездну пропастью. И только где-то высоко алел горизонт: солнце уже садилось.

– Это край вулкодлака, – пояснил профессор Кочубей Алене и Катюше. – А вон в том замке, – он указал на руины средневековой крепости, возвышавшиеся на одном из утесов, – якобы и обитал воевода-князь, который после смерти не был принят ни адом, ни раем и превратился в кошмарное чудовище, помесь медведя, волка и человека, в того самого вулкодлака. Якобы он до сих пор бродит в лесах и нападает время от времени на одиноких путников, желая упиться их кровью и насладиться их плотью...

От таких рассказов Алене сделалось жутко. Как образованный человек, более того – ученый, она не верила в подобные сказки. Но, с другой стороны, девушка не раз убеждалась, что многие мифы имеют под собой реальную основу. И кто знает, может, в покрывающих горы лесах и правда прячется какое-то неведомое науке существо, некое подобие снежного человека, которого местные жители считают вулкодлаком...

– Кстати, где-то здесь располагается знаменитая на всю страну тюрьма, в которой отбывают наказание самые кошмарные и жестокие убийцы и маньяки, – добавил профессор. – Что и говорить – настоящий край вулкодлака! Жуть, да и только!¹

Катюша Горицетова, ни жива ни мертва от страха, впилась в подлокотники кресла и старалась не смотреть на мрачный пейзаж. Алене сделалось смешно, и она произнесла утробным голосом:

– Ой, Катя, смотри! Вон там, на скале! Чудовище! Оно сейчас на автобус прыгнет!

¹ Тема вулкодлака затрагивается в романе А. Леонтьева «Лес разбуженных снов», издательство «Эксмо».

– Где? – испугалась аспирантка Павла Леонидовича и завертела головой, в самом деле думая узреть монстра. – Господи, у меня крестик имеется...

– Катя, ты же современный человек! – укорил ее профессор Кочубей. – И как ты можешь верить во всякую чушь? Такие истории – пережитки наивного представления об устройстве мира, отголоски язычества, которые...

В тот момент автобус тряхнуло, и откуда-то издалека потянулся протяжный зловеющий вой. Профессор замолк на полуслове. Один из местных, находившихся в автобусе, пояснил по-английски:

– Это волки. А кое-кто уверен, что вулкодлак. Обычно вой означает скорое несчастье, чью-либо близкую смерть.

– Ну что же, надеюсь, что следующей жертвой не я стану! – заявил бодро профессор и принялся рассказывать о роли волка в истории религиозных культов.

Алена же, вполуха слушавшая отца, смотрела в окно – и вдруг на одном из отрогов действительно заметила в последних лучах заходящего солнца какую-то высокую и страшную фигуру. То был не человек и не зверь. Автобус плавно повернул, и чудище, если оно не было игрой воображения или, скажем, корявым деревом, осталось позади. Алена тряхнула Катюшу и прошептала:

– Поверни голову, быстрее! Ты видишь? Вон там! Ну смотри же! Неужели в самом деле... вулкодлак?

Катюша поджала губы:

– Алена, не думаю, что имеет смысл насмехаться над моими фобиями. В конце концов, просто некрасиво! Я знаю, что ты считаешь меня трусихой, однако это не дает тебе права издеваться надо мной!

Алена не посмела сказать, что заметила нечто непонятное и страшное. Однако она попыталась уверить себя, что ей просто привиделось. Ну да, просто фантазия, игра света и тени. Или там действительно был волк или медведь, которому ее распаленное воображение приделало рога и когтистые лапы...

В штаб-квартиру научной экспедиции, находившуюся в небольшой деревушке, в непосредственной близости от заброшенных штолен, они прибыли, когда солнце уже село. Международных экспертов разместили в здании школы, предоставленной в распоряжение команды ученых. Классные комнаты и кабинеты были переоборудованы под лаборатории, а также под жилые помещения.

Алене пришлось делить комнату с Катюшей. Та чуть ли не всю ночь ворочалась с боку на бок, вздыхала, что-то бормотала. Алена, которая обладала очень чутким сном, наконец не выдержала:

– Катя, не бойся, вулкодлак сюда не проникнет! Если хочешь, купи завтра на местном базаре корзинку чесночных головок и разложи их на подоконнике. А теперь давай спать, у нас впереди трудный день!

Следующий день действительно был тяжелым – предстоял спуск в штольню и осмотр места захоронения останков. Катюша отказалась идти в «пещеры», как она это называла, и предпочла остаться в штаб-квартире, заняться бумажной работой. А вот Алена вместе с отцом, а также с другими учеными отправилась в горы.

Их вел один из команды экспертов, опытный спелеолог, которому давал советы пожилой мужичок, местный житель. Тот, по собственным его словам, уже не единожды подбирался к заваленному входу в штольню.

От деревушки надо было идти около получаса в горы. Наконец показались покосившиеся деревянные столбы и ржавая колючая проволока, на которой болтались щиты с изображением черепа и костей, а также надписи по-герцословацки. Что-то из разряда «Запретная зона» или «Не влезай, убьет», как поняла Алена.

Они прошли через распахнутые ворота и оказались на территории бывшей свалки. Кучи мусора, превратившиеся в курганы, все еще возвышались перед уходившими в небо горами. Печи, в которых сжигались отходы, уже давно не работали.

Теперь пришлось подниматься по узкой тропке. Алена хотела помочь профессору Валерии Дорнетти, однако та, несмотря на свой возраст (который, скорее всего, приближался к семидесяти), весьма лихо справлялась с препятствиями. Зато задыхался и жаловался на боль в груди французский ученый, который явно отдавал предпочтение калорийной пище. А вот мюнхенский профессор вышагивал, словно робот, сосредоточенно глядя перед собой.

Тропа закончилась, и члены экспедиции оказались перед лазом, забитым гнилыми досками. Местный житель без труда приподнял одну из них, первым пролез туда и поманил пальцем ученых. Сначала рискнула туда зайти швейцарская профессорша, вторым последовал Павел Леонидович. Алена была третьей.

Она несколько раз бывала в пещерах – в Испании, Мексике и Словакии. Однако те были такими аттракционами для туристов: заблудиться там невозможно, да и пещеры больше походили на декорации. Здесь же совсем другое дело. Никаких прорубленных в каменной породе ступеней и скрытых в стенах прожекторов. Прохладно и сыро. Слышалось далекое журчание подземного ручья.

Спелеолог, пролезший вперед, снова оказался во главе экспедиции. Алена заметила, как дрожит профессор Дорнетти. Да и саму ее бил озноб – то ли от холода, то ли от волнения.

Они подошли к крошечному лазу, протиснуться в который можно было только боком. Как пояснил местный житель, раньше здесь имелся широкий проход, но после оползня его завалило.

Пришлось уподобиться червю и изгибаться всем телом, чтобы попасть в следующий зал. Но он заслуживал приложенных усилий – сталактиты и сталагмиты украшали просторную пещеру. И у Алены сложилось впечатление, что она попала в сказку «Тысячи и одной ночи».

Миновав несколько других пещер, они подошли к большой куче щебня. Проводник пояснил, что это и есть вход в искомую штольню. Спелеолог постучал отбойным молотком по стенам пещеры, нашел пустоту и сказал:

– Думаю, лучше всего будет пробить новый вход. Потому что разгребать завалы – гиблое дело. Внутри пещера, согласно показаниям очевидцев, расширяется, поэтому мы без труда попадем в штольню и отсюда.

Павел Леонидович прикоснулся к влажным камням и в упоении произнес:

– Вот теперь я понимаю расхожее выражение «прикоснуться к истории». Потому что, дочка, мы в самом деле можем к ней прикоснуться, находясь здесь! Что скажете, профессор?

Он обращался к немецкому коллеге. Уве-Свен Хохмайер ответил:

– О, у меня уже чешутся руки! Однако, прежде чем мы сможем приступить к извлечению останков, нам надо попасть внутрь. Но расчисткой пути, конечно же, займется чернорабочие.

Профессор Валерия Дорнетти откатила в сторону несколько камней, закрывавших вход в штольню. Галантный француз перехватил один из валунов со словами:

– Мадам, я понимаю, что вам, как и всем нам, не терпится попасть в штольню, однако прошу вас – не надо собственноручно разгребать завалы! Для этого имеются другие. Наше же дело – заниматься наукой!

– Я так не считаю, месье, – возразила швейцарка. – Настоящий ученый не побоится запачкать рук.

* * *

Последующие два дня ушли на то, чтобы пробить стену пещеры и попасть в штольню. И еще три дня, чтобы разобрать более мелкие завалы, преграждавшие дальнейший путь. Наконец

настал момент, когда можно было спуститься в подземный колодец, на дне которого покоились останки членов королевской семьи.

Но колодец был тоже на треть завален осколками породы, щебнем и булыжниками. Здесь требовалась осторожность, потому что среди камней могли оказаться и кости. Поэтому все извлеченные в корзинах камни просеивали через сито. Уже в первый день нашли золотое пенсне на полусгнившем черном шнурке и несколько косточек.

– Пенсне принадлежало королеве Марии! – заявил Павел Леонидович, показывая Алене фотографию августейшего семейства. – Она была близорукой. По поводу осколков костей пока еще рано делать выводы, но, по моему мнению, они – часть голени. Однако экспертиза покажет, так ли это и частями чьего скелета они являются...

Напряжение нарастало с каждым часом. Чем меньше щебенки и камней оставалось в подземном колодце, тем медленнее продвигалась работа. Находки множились. Были обнаружены части одежды, а также драгоценности – разрозненные камни и сохранившаяся почти полностью изумрудная брошь. Профессор Дорнетти сразу же идентифицировала ее как украшение принцессы Василисы.

– А это значит, что все истории, будто принцесса якобы избежала расправы, – просто мифы, – констатировала кореянка Минг Кой.

Павел Леонидович возразил:

– Коллега, наличие здесь украшения принцессы еще ничего не означает. Хотя, конечно, вы правы – она была убита в ту ужасную ночь!

Катюша Горицветова так и не спустилась в пещеры, а занималась тем, что каталогизировала и сканировала находки, не покидая штаб-квартиры, вела учетные записи, а также работала над своей диссертацией.

Алена все время проводила с отцом, и он даже несколько раз похвалил ее, что было для него вообще-то нетипично.

В конце месяца наступил долгожданный момент – практически все завалы удалось разобрать, и обнажилось дно подземного колодца. Было найдено множество осколков костей, а также фрагменты черепа мужчины, предположительно, одного из сыновей короля – кого именно, предстояло выяснить после обнаружения прочих останков.

Алене повезло: ей разрешили спуститься на дно колодца. Спускаться надо было при помощи троса, привязанного к поясу, отталкиваясь ногами от стен колодца, глубина которого оказалась около тридцати метров.

Внизу уже установили мощные лампы. Сверху узкий, книзу колодец расширялся, дно было площадью около сорока пяти квадратных метров. Девушке сразу, едва она спустилась, бросились в глаза скелеты. Они лежали на камнях вповалку. Когда-то расстрелянных просто швырнули в колодец. Не исключено, что кто-то из них был еще жив. Но даже если и сумел чудом уцелеть при падении, то все равно практически немедленно скончался, ведь колодец закидали гранатами. Алена предпочитала не думать о судьбе последнего короля и его семейства. Разумеется, никто не мог выжить в такой бойне. Чудес не бывает, и юная принцесса, как и ее родители, и старшие братья, нашла смерть на дне колодца много десятилетий назад...

* * *

Работы велись крайне осторожно, было важно не пропустить ни одной мелочи, ни одной косточки, обрывка одежды или кусочка металла: для истории все имело исключительное значение.

Две недели спустя, вернувшись на пару дней в Экарест, профессор Кочубей дал обстоятельное интервью на телевидении, где поведал о промежуточных результатах изысканий:

– Нами обнаружены одиннадцать человеческих скелетов, что полностью соответствует числу тех, кто был расстрелян. Итак, сам король Георгий и его супруга королева Мария, четверо их сыновей и дочка, принцесса Василиса. Эти семь человек и составляли августейшую фамилию. Помимо того, вместе с монархом и его близкими были ликвидированы лейб-медик, горничная королевы и принцессы, камердинер короля и принцев, а также повар.

Последняя деталь почему-то особенно часто упоминалась в газетах и постоянно муссировалась на телевидении. Посмотрите, мол, какими исчадиями ада были коммунисты! Они не только короля и королеву расстреляли, что еще можно как-то понять, не только принцев в возрасте от семнадцати до двадцати четырех лет (причем самый младший страдал синдромом Дауна), что тоже, в общем-то, естественно, – новая власть не хотела оставлять прямых наследников свергнутого тирана, но и простых людей, слуг.

– Значит, нет никаких сомнений в том, что принцесса Василиса тоже стала жертвой расправы? – допытывались у Павла Леонидовича журналисты.

Профессор пояснил:

– Как я уже упомянул, нами в числе прочих был обнаружен скелет подростка женского пола, возраст которого в момент смерти составлял примерно тринадцать-пятнадцать лет. Обрывки одежды позволяют сделать вывод, что девочка была одета в серое шелковое платье с инициалами «VL» – Василиса Любомирович. В корсете платья, как и в корсете королевы Марии, мы нашли большое количество драгоценных камней, в основном бриллиантов и изумрудов, что подтверждает известные данные: члены королевской семьи, надеясь на освобождение или побег, зашивали в одежды фамильные драгоценности.

Рассказал профессор и о том, как каждый из несчастных нашел смерть.

– Анализ останков позволяет сделать следующие выводы. Король Георгий был застрелен с близкого расстояния в голову. Причем смерть, вне всяких сомнений, наступила мгновенно. Это также подтверждается рассказами лиц, приведших в исполнение приговор революционного трибунала, – после оглашения оною первым, в голову, из «браунинга» был застрелен король. Королева Мария, видимо, умерла не сразу от пулевых ранений, поэтому на ее скелете имеются следы множественных колото-режущих ран, нанесенных, по всей видимости, при помощи штыков. Принцы Адриан и Феликс были тоже застрелены в голову – первый в затылок, второй в лоб. Принц Михаил был, скорее всего, жестоко избит, о чем свидетельствуют многочисленные переломы. Пулевые ранения к смерти не привели, видимо, его сбросили в колодезь еще живым. Голова принца Кароля буквально отделена от туловища. Вероятно, при помощи штыка. Лейб-медик и камердинер были также застрелены в голову, а повар и горничная – заколоты штыками. Наконец, ее королевское высочество принцесса Василиса... Девочка получила не менее пяти пулевых ранений в грудь, что, однако, не привело к моментальной смерти. Однако... – Тут профессор запнулся, а затем сказал: – Однако она была убита зверским способом – кто-то из членов расстрельной команды воткнул девочке в левый глаз штык. Это известно из протоколов допросов убийц и полностью соотносится с выводами экспертизы. Следов сексуального насилия на телах членов королевской семьи, вопреки расхожим вымыслам, обнаружено не было. Так что я могу сейчас официально объявить: никто из членов семьи последнего короля Герцословакии не спасся. Принцесса Василиса была убита. Таков окончательный и не подлежащий сомнению вердикт нашей комиссии...

* * *

Последовали долгие недели, заполненные кропотливым трудом, – требовалось провести экспертизы ДНК, а также восстановить внешность каждого из убиенных. Это было уже простой формальностью, однако являлось необходимым для всестороннего изучения моментов гибели королевской семьи. Профессор Кочубей снова переместился из провинции в Экарест, где к

его услугам была современная лаборатория. Алена и Катюша Горицветова ассистировали ему. Дело спорилось: были подвергнуты анализу останки короля и трех его сыновей. ДНК сравнивалось с генетическим материалом некоторых ближайших родственников как самого Георгия (для чего были взяты образцы ДНК у герцогини Зои, а также у нескольких дальних родственников), так и королевы (она была иностранной принцессой, и у нее имелись родственники в Дании, Германии и Англии). Это лишний раз подтвердило печальную истину – в подземном колодце покоились останки именно последних Любомировичей.

Между тем Герцословакия готовилась к торжественной процедуре погребения короля, королевы и их детей. Было решено выделить место в кафедральном соборе Петра и Павла, в котором находились гробницы многих из королей. Похороны планировались на конец октября. Ожидалось прибытие большого числа зарубежных гостей, в том числе представителей династических ветвей Любомировичей, которые были разбросаны по всему миру – в Европе, в Америке и даже в Новой Зеландии.

Алену не особенно занимали эти официальные моменты – отца уже пригласили на предстоящую церемонию погребения, как и всех прочих экспертов, способствовавших идентификации останков короля и его семейства, однако Павел Леонидович еще не знал, сможет ли он присутствовать на траурном мероприятии: завершение исследований было намечено на начало сентября, а затем российская делегация возвращалась обратно в Москву. В конце концов, начинался учебный год, и профессор не хотел бросать своих студентов и аспирантов на произвол судьбы, ведь он и так отсутствовал почти три месяца.

Алена с легкой грустью думала о том, что придется покидать Герцословакию. Горная страна ей понравилась, хотя, конечно, девушка знала, что не может вечно оставаться здесь. Быть может, вместе с папкой она в октябре прилетит на один или два дня, чтобы присутствовать на погребении Георгия и членов его семейства...

* * *

В середине августа настроение профессора Кочубея вдруг резко испортилось. Он был чем-то озадачен, недоволен, поражен. Дочери Павел Леонидович ничего конкретного не говорил, но Алена и так заметила, что у отца на душе кошки скребут. Девушка попыталась выяснить у Катюши, в чем же дело, но та только плечами пожала: она усиленно работала над своей диссертацией и ничего такого не видела. Сам же профессор уж точно не ставил ее в известность касательно причин, приведших к изменению его настроения.

Алена пробовала осторожно выведать у отца, что стряслось, однако тот отделивался общими замечаниями, а как-то даже накричал на нее, заявив, что она не должна мешать ему своими дурацкими вопросами. Кричал Павел Леонидович крайне редко, и это означало, что дело приняло серьезный оборот.

Попала ему под горячую руку и Катюша Горицветова – Алена застала ее как-то в слезах, и «мачеха» призналась, что научный руководитель в достаточно грубой форме заявил, что у него сейчас имеются куда более важные дела, чем чтение кусков ее диссертации.

– Алена, я понимаю, что пришла в неурочное время, ведь профессор сейчас очень занят. Но ведь Павел Леонидович сам мне говорил, что я могу задавать вопросы. А мне так нужно его мнение касательно третьей главы моей диссертации!

Алена вызвалась помочь Катюше, посмотреть на которую было жалко, но та печально покачала головой:

– Я тебе до чрезвычайного признательна, Алена, однако не хочу обременять еще и тебя своими проблемами. Боюсь, если это дойдет до Павла Леонидовича, он окончательно выйдет из себя. Он чем-то страшно расстроен. Буквально раздавлен! И все время пропадает в лабо-

ратории. Причем отказывается от помощи ассистентов, а делает все один, в основном – ночью. У меня сердце кровью обливается – он ведь работает на износ!

Катюша вытасила большой кружевной платок и громко высморкалась. Алена и сама заметила, что ее любимый папка сторонится помощников и в особенности своих коллег. В чем же дело, он упорно не говорил. Но Катюша права – профессор Кочубей производил сейчас впечатление человека, увидевшего призрак. Продолжать терзать его вопросами все равно бессмысленно, потому что профессор отличается легендарным упрямством и может, как устрица, просто замкнуться в себе, отменяя любые вопросы и попытки помочь. Оставалось только одно – терпеливо ждать. Алена знала: рано или поздно отец расскажет ей, в чем же дело, и, возможно, даже поинтересуется ее мнением.

За день до гибели Павел Леонидович, взъерошенный и молчаливый, долго ходил взад-вперед по своему номеру в гостинице и курил одну сигарету за другой. Алена тактично не вмешивалась, хотя не могла без содрогания смотреть на то, как отец насыщает свои легкие никотином. С тех пор как от лейкемии умерла мама, Алена дала себе слово, что будет заботиться о здоровье отца. А почти целая выкуренная пачка крепких герцословацких сигарет, да еще в течение всего двух часов, ни к чему хорошему привести не могла.

В день гибели, во второй половине дня, Алена видела отца в лаборатории. Он сначала говорил с кем-то по телефону, причем по-герцословацки, а потом вышел, громко хлопнув дверью. Заплаканная Катюша доложила Алене:

– Павел Леонидович на взводе! Я пыталась его успокоить, но ничего не выходит. Никак понять не могу, что творится. Ах, только бы все закончилось хорошо!

Алена в тот момент даже представить себе не могла, что видела отца в последний раз живым. Затем она пыталась в течение нескольких часов дозвониться до него, но его мобильный, которым профессор пользовался в Герцословакии, был отключен. Беспокойства девушка не испытывала, потому что знала: отец часто выключает телефон, дабы спокойно работать. Алена решила, что поговорит с ним вечером, когда он появится в отеле, и тактично намекнет ему, что нельзя срывать свое напряжение и плохое настроение на подчиненных, в первую очередь на Катюше.

Вечером, за ужином в ресторане, отца Алена так и не увидела. Телефон его все еще молчал, и она оставила на автоответчике очередное сообщение с просьбой перезвонить ей как можно быстрее. Но отказ папки от ужина не насторожил и не обеспокоил Алену – он вечером вообще ел мало.

Поэтому, так и не поговорив с отцом и решив, что обязательно сделает это на следующий день, Алена отправилась к себе в номер. Там она написала несколько сообщений по электронке друзьям и коллегам в Москве, приняла душ, прочитала нудную статью в научном журнале, немного посмотрела телевизор и легла спать. А посреди ночи ее разбудил телефонный звонок. Так она и узнала, что ее папка умер. Вернее – убит...

* * *

Двери лифта распахнулись, и Алена стряхнула с себя воспоминания. Она задумалась всего на пару секунд, пока лифт, гудя и вибрируя, поднимал ее с нижнего этажа института судебной медицины наверх, а случилось так, что пережила заново события последних месяцев, причем в течение всего нескольких мгновений.

А как было бы хорошо, если бы она вдруг на самом деле оказалась в прошлом! Хотя бы во вчерашнем дне. Тогда бы она ни за что не отпустила папку из лаборатории одного – ведь он отправился навстречу своей смерти...

В коридоре Алена увидела ошарашенную Катюшу Горицветову. Та, тоже заметив Алену, метнулась к ней с криком:

– Это ведь не он, да? Нелепая ошибка, кошмарное стечение обстоятельств, правда? Но не Павел Леонидович, так?

Алена поняла, что должна проявить силу, потому что рядом с ней человек гораздо более слабый и беззащитный, чем она сама. И его требуется защитить, успокоить. Но утаить от Катюши правду она не имела права. Поэтому, взяв девушку под руку, Алена завела спокойным, задушевным тоном разговор о том, что сейчас бы неплохо выпить по чашке кофе.

Катюша немного успокоилась, видимо посчитав, что профессор Кочубей в самом деле жив и имела место ошибка. Усадив впечатлительную аспирантку в кресло, Алена, смотря в стену, принялась излагать сухие факты.

– Нет! – простонала Катюша, зажимая розовенькие ушки ладошками. – Павел Леонидович не может лежать там, в морге! Это все ерунда! Он не мог умереть! Ведь он был таким молодым, еще полным сил...

Алена, чувствуя, что сама вот-вот расплачется, крепилась изо всех сил.

– Сердце подвело, да? – частила Катюша. – Он почувствовал себя плохо, а прохожие, увидев лежащего на тротуаре мужчину, решили, что он... что он пьян, и не стали помогать? Ведь так? Или... Наверное, несчастный случай? Милый Павел Леонидович может задуматься и перейти дорогу на красный свет... Или идти по трамвайным рельсам, сам того не замечая и думая о чем-то исключительно важном...

Алена медленно произнесла:

– Нет, не сердце виновато. И несчастного случая не было. Павла Леонидовича... моего отца... убили!

Катюша вытаращилась на Алену, затем ойкнула, закатила глаза и брякнулась в обморок.

Хорошо, что врачи были рядом и смогли при помощи нашатыря привести несчастную аспирантку в чувство. Лежа на кушетке, с бледным лицом, после инъекции для повышения тонуса, Катюша в ужасе шептала:

– Такой человек убит! Господи, как страшно! И как ужасно несправедливо! Гордость российской науки... Уж лучше бы меня убили...

– Что ты такое мелешь! – прикрикнула на нее Алена.

Катюша снова затряслась в рыданиях, а Алена отвернулась, чтобы никто не видел ее собственных слез. Глупые мысли лезли в голову: если бы ей предложили выбрать между папкой и этой Машей-растеряшей, вернее, Катюшей-истерюшей, она бы...

Какой бы выбор она сделала, Алена предпочла не додумывать. Ей даже стало стыдно за себя. Нет, папку к жизни уже ничто и никто не вернет, и зачем думать, что могло бы быть... Когда-то, много лет назад, она так просила боженьку, чтобы мама выздоровела, чтобы ее страшная болезнь отступила, чтобы курсы лечения наконец-то оказали положительное действие. Отец однажды застал ее за самосочиненной горячей молитвой и долго кричал, что никакого бога нет, что все это глупости и суеверия, что надо надеяться на самого себя и на природу, а также на целительные силы человеческого организма.

А на кого или на что надеяться ей теперь? Ей двадцать шесть, и она потеряла отца, своего единственного близкого родственника.

Когда ближе к полудню Алена попала обратно в отель, там ее встретили коллеги отца. Ученые приносили ей соболезнования и выглядели шокированными. Но девушка заметила торжествующую ухмылку немецкого профессора и то, как француз, только что рассыпавшийся в цветистых комплиментах в адрес профессора Кочубея, уже смеялся, похлопывая по ягодцам одну из симпатичных ассистенток. А кореянка, нисколько не стесняясь, громко поинтересовалась у швейцарской ученой:

– Валерия, а кто же теперь станет главой нашей команды? Я считаю, что необходимо равенство, то есть вместо покойного русского профессора во главе экспертной комиссии должна стать женщина. – Она явно имела в виду себя.

Алена сделала вид, что не заметила всех этих бестактностей. Она сопровождала Катюшу, которая все еще была слаба и еле держалась на ногах, в номер, а затем спустилась в ресторан. Кусок в горло не лез, однако ей требовалось немного перекусить и выпить чашку обжигающего черного кофе, чтобы набраться сил.

По местному телевидению уже сообщали о гибели профессора из России, причем умудрились перевернуть фамилию. Высокий полицейский чин с одутловатым лицом и бегающими глазками заявил, что преступление будет раскрыто по горячим следам. Показали и мрачный переулок, в котором обнаружили тело профессора – в так называемом Ист-Энде, в районе «красных фонарей», недалеко от публичного дома и секс-шопов. Алена услышала за спиной беседу по-английски двух ассистентов, которые, видимо, ее просто не заметили:

– А что старик делал там? Чего он ночью поперся в Ист-Энд?

– Да не говори! Явно не для того, чтобы опыты в лаборатории ставить. А если опыты и ставил, так в постели шлюхи.

– Вот тебе и божий одуванчик! Ему ведь под шестьдесят было, а туда же! Если бы не шастал по злочным заведениям, не утолял свою похоть, никто бы на него в притоне не напал и по башке трубой не шандарахнул.

– Только почему убили-то? Могли бы просто ограбить и отпустить на все четыре стороны. Наверное, он с проституткой что-то не поделил. Может, гонорар за ее услуги зажал, она на него своего сутенера и натравила.

– Вот вам и гордость международной науки! Ходил по продажным девкам!

Алена развернулась, увидела вытаращенные лица сплетников и выбежала из ресторана прочь. Она вдруг почувствовала со всей определенностью, что осталась в мире одна, совершенно одна. Папка умер, и ничто не могло воскресить его!

Только почему ему пришлось умереть? Неужели бесстыдники, которые поливали грязью имя профессора Кочубея, правы? Что папка делал поздно вечером в столь опасном и порочном месте? Алена не хотела и думать об этом. Но ведь отец был человеком из плоти и крови, и с момента смерти мамы прошло столько лет... Она же сама в шутку намекала ему, что Катюша вскоре станет ее мачехой. Но одно дело, если бы папка снова женился, и совсем другое – предполагать, что он посещал... бордель.

Девушка вспомнила, как несколько дней назад сторонники коммунистов устроили митинг в Экаресте, требуя отменить захоронение короля Георгия, который был для них тираном и убийцей многих тысяч людей. В комиссию пришло даже несколько анонимных писем, в которых сторонники то ли троцкистов, то ли анархистов, то ли какого-то сумасшедшего молодежного ультралевого движения призывали экспертов добровольно сложить полномочия и отказаться участвовать в опознании останков коронованного палача. Иначе, мрачно предсказывали экстремисты, может всякое произойти...

Вот и произошло. Так, может, на папку напал один из подобных свихнувшихся на коммунистических идеях типов?

Рутину позволила Алене на какое-то время забыться. Странное дело – она занималась подготовкой транспортировки тела папки в Москву, а сама даже и не думала, что именно это значит. Как будто речь шла о чем-то повседневном.

От имени Академии наук Герцословакии ей выразили самые искренние соболезнования и заверили, что все формальности как юридического, так и финансового толка будут решены незамедлительно, что правительство страны возьмет на себя все расходы.

Денежные вопросы волновали Алену меньше всего. Она боялась войти в номер папки, однако требовалось собрать вещи: через несколько дней ей вылетать в Россию. В Герцословакии, которая ей прежде так нравилась, делать было нечего.

Катюша, несколько оклемавшаяся после шока, вызванного вестью об убийстве Павла Леонидовича, самоотверженно вызвалась помочь, но Алена отказалась – она боялась, что раз-

ревется, когда будет собирать папки вещи. А слезливая Катюша заголосит вслед за ней, и тогда они будут на пару реветь как белуги.

Алена плакала, укладывая в чемодан вещи отца. И что делать с его гардеробом, с его одеждой? Кажется, вещи полагается раздать... Однако Павел Леонидович в бога не верил, над церковными обрядами потешался и утверждал, что если в чем попы и правы, так только в том, что у подлинного бога роскошная седая борода, но имя ему – Чарльз Дарвин.

Последними Алена собирала вещи с письменного стола. И вот на столешнице остался один папкин ноутбук. Девушка решила, что это уже не будет вторжением в личную сферу, если она включит его. Но компьютер оказался защищен паролем. Алена положила его в сумку и решила, что в Москве попросит какого-нибудь знакомого программиста взломать пароль. Вряд ли папка был бы против...

А тем временем, как доложила верная Катюша, игравшая роль шпионки в тылу врага, то есть среди коллег Павла Леонидовича, был избран новый глава научной комиссии по идентификации королевских останков. Как и ожидалось, почетный пост достался швейцарке Валерии Дорнетти.

– Мюнхенский профессор Хохмайер рвал и метал! Ведь он думал, что теперь уж точно его призовут в шефы. Ходят упорные слухи, что Павла Леонидовича посмертно наградят орденом... – рассказывала Катюша, и из ее глаз снова заструились слезы. Наконец она, шмыгнув носом, сказала виноватым тоном: – Ведь мне придется теперь искать нового научного руководителя. Павел Леонидович был ученым от бога, хотя сам в существование бога не верил! Алена, я за несколько дней до... трагического события отдала Павлу Леонидовичу первую часть своей третьей главы. Если тебе не сложно...

Алена вернула рукопись и подумала, что, как бы это ни было ужасно, жизнь продолжалась и без папки. Ученые коллеги по-прежнему занимались идентификацией останков, проводя заключительную экспертизу, Катюша искала нового научного руководителя, а она сама... Она сама вернется в Москву и продолжит работу в институте. Ей будет очень не хватать папки, но ведь ничего изменить нельзя...

* * *

За два дня до вылета в Москву Алена находилась у себя в гостиничном номере, когда вдруг в дверях появилась взволнованная Катюша и сообщила:

– Лаборатория горит! Господи, и что такое происходит?

Девушки включили телевизор, и там по одному из новостных каналов шла прямая трансляция из лаборатории Академии наук Герцословакии, старинного здания в классическом стиле, где работали в последние недели профессор Кочубей и его коллеги.

– Пока рано говорить о причинах возгорания. Вполне возможно, что пожар вызван неполадками технического характера, ведь последний раз капитальный ремонт данной лаборатории проводился в 1981 году, – вещал диктор, указывая дланью на объятые огнем здание, около которого стояло несколько пожарных машин. – Не исключается и версия террористического акта, которая, с учетом убийства профессора Павла Кочубея несколько дней назад, тоже заслуживает право на существование. Полиция пока воздерживается от комментариев. Как только что стало известно, по предварительным данным, удалось эвакуировать всех, кто находился в здании. Однако останки королевской семьи и расстрелянных вместе с ними приближенных по-прежнему находятся в лаборатории, и они, не исключено, спустя без малого семьдесят лет после расстрела будут уничтожены во время пожара, вместо того чтобы быть захороненными в кафедральном соборе...

Алена, не отрываясь, следила за тем, как пожарные сновали около здания, пытаясь локализовать пожар, грозивший перекинуться на соседние дома. Что это, совпадение или... или дело рук тех же самых сумасшедших радикальных элементов, которые напали на ее папку?

Ту же мысль высказал и корреспондент:

– И вот самые свежие новости – по словам очевидцев, за несколько минут до того, как пожарная служба зарегистрировала сообщение о возгорании в лаборатории, из здания выбежали два молодых человека, в руках одного из них была пустая канистра. Напомню: ряд левых организаций крайне негативно относится к перезахоронению останков короля Георгия и членов его семейства. В прошлом году был взорван памятник монарху, установленный на деньги Дворянского собрания, а в начале нынешнего года вандалы осквернили выставку, посвященную королеве Марии, которая проходила в Музее изящных искусств столицы...

Катюша Горицветова всхлипнула:

– И теперь еще выяснится, что Павла Леонидовича убил один из этих умалишенных. Как такое может быть? Неужели за столько десятилетий после расстрела короля страсти еще не улеглись?

Алена выключила телевизор со словами:

– Катюша, извини, но мне надо продолжить сборы. Ты ведь тоже вылетаешь в Москву?

– Конечно же, Алена! – закивала аспирантка. – Я хочу сопровождать Павла Леонидовича в последний путь! Господи, как все ужасно получилось...

Избавившись от надоедливой Катюши, Алена оглядела пустой номер отца. Вот и все, как будто... как будто никогда и не было человека! Чувствуя подкатывающие к горлу рыдания, Алена подхватила чемодан и сумку с ноутбуком и вышла в коридор, где едва не столкнулась с горничной, которая, по всей видимости, намеревалась убраться в номере.

– Номер свободен, – сообщила ей Алена.

Оставив вещи папки у себя, девушка вышла прогуляться. Но, побродив немного по улицам Экареста, поняла, что герцословацкая столица полна воспоминаний об отце. Здесь, на мосту, они сделали несколько фотографий. А вон там, около Старого королевского дворца, покупали открытки...

Девушка развернулась и кинулась обратно в отель «Савой». Ей хотелось одного: как можно быстрее покинуть чужую страну и оказаться в Москве. Но ведь и там каждая мелочь будет напоминать о папке! А как она почувствует себя в пустой квартире на проспекте Мира?

Алена постаралась не думать о том, что ее ждет дома. Она справится, потому что папка ожидал бы от нее именно этого. А если и не справится, то сделает так, чтобы никто не видел ее переживаний. «Папка, милый папка, как же мне тебя не хватает!» – думала девушка.

Она вышла из лифта и обнаружила, что дверь в ее номер открыта, а у порога стоит тележка с грязным бельем и щетками. Алена подошла к дверному проему и увидела молодую девушку в униформе, с которой едва не столкнулась недавно, покидая номер папки, та копошилась в ящиках стола, явно пытаясь что-то отыскать, что никак не походило на уборку номера. К тому же на плече у горничной висела сумка с папкиным ноутбуком. Ну это уж слишком! Мало того что в Герцословакии людей убивают на улице, так еще и горничные в приличных отелях нагло воруют дорогие вещи!

Алена оттолкнула тележку, направилась к горничной и сорвала у нее с плеча сумку с портативным компьютером.

– Я буду жаловаться дирекции отеля! – заявила девушка. – И не говорите, что вы стирали с ноутбука пыль, поэтому сумка и оказалась у вас на плече. Вы элементарно хотели его украсть. Как вам не стыдно!

Реакция горничной была странной – она резко толкнула Алену в грудь. Девушка отлетела на кровать. Затем горничная выхватила из ее рук сумку с ноутбуком и бросилась бежать. Несмотря на то что удар был чувствительным, Алена опрометью кинулась за нахалкой. Вот тебе

и пятизвездочный отель «Савой»! Горничные не просто исподтишка обворовывают постояльцев, а совершают настоящие разбойные нападения!

Ноутбук был папкин, и Алена не намеревалась отдавать его воровке. Она выскочила из номера и увидела юркую особу почти в конце коридора. Еще мгновение, и та исчезнет на лестнице! Девушка схватила одну из щеток, прикрепленных к торцу тележки, и метнула ее, словно копье, в спину горничной. И, надо же, попала ей в спину! Алена была горда собой – даром, что ли, она в школе и институте играла в волейбол.

Воровка грохнулась на ковровую дорожку, а ноутбук, соскочив с ее плеча, пролетел несколько метров и приземлился около лифта. Двери его раскрылись, и из кабины появилась пожилая чета.

Алена поспешила к месту падения горничной, но та уже успела подняться и устремилась к лестнице. К счастью, ноутбук она схватить не смогла, потому что его уже держал в руках седой высокий господин в клетчатом пиджаке.

– Благодарю, это мое, – сказала Алена по-английски и взяла у него сумку с переносным компьютером.

Затем она отправилась напрямик к стойке администратора и пожелала немедленно поговорить с директором или управляющим. Когда Алена вкратце обрисовала ситуацию, ее тотчас проводили в кабинет к изящно одетой даме. Та выслушала Алену, принесла ей свои самые искренние извинения и заявила, что горничная, пытавшаяся ее обокрасть, будет передана в руки полиции.

– Госпожа Кочубей, мне очень стыдно. От лица нашего отеля я еще раз приношу извинения. Эта девица, как я понимаю, сбежала, в отеле она наверняка больше не появится, однако я тотчас попрошу продемонстрировать вам фотографии всех горничных, дабы вы могли идентифицировать преступницу!

Через несколько минут, попивая кофе с коньяком, Алена просматривала альбом с фотографиями горничных. Странно, но той, которая пыталась умыкнуть папкин ноутбук, среди персонала отеля «Савой» не было. А ведь она хорошо разглядела эту нахалку! Алене показали фотографии всех сотрудников и сотрудниц, но и среди них грабительницы не обнаружилось.

Дама-администратор вздохнула:

– Полиция вот-вот прибудет. Скорее всего, мы имеем дело с воровкой, которая под видом горничной проникла в наш отель и обчищала номера. И это уже прокол службы безопасности. Расследованием происшествия немедленно займутся. Хорошо, что тележка осталась около вашего номера, госпожа Кочубей. На ней могут быть отпечатки пальцев воровки, как, впрочем, и в вашем номере. Руководство отеля просит вас принять в качестве извинений нашу скромную компенсацию – бесплатное проживание в президентском люксе до конца вашего пребывания в «Савое».

Алена усмехнулась. Наверняка менеджер знала, что госпожа Кочубей через два дня покинет Экарест, поэтому и была такой щедрой. А если бы постоялица изъявила желание остаться в отеле еще на месяц или даже на год? Неужели она и тогда тоже с такой же милой улыбкой предоставила бы ей возможность бесплатно пользоваться президентским люксом?

Но девушка воздержалась от едкого замечания. В конце концов, женщина не виновата в том, что какая-то преступница решила обокрасть постояльцев. Поэтому Алена позволила перенести все свои и папкины вещи в самый шикарный и большой номер отеля, располагавшийся на последнем этаже. У нее теперь даже имелся собственный лифт, и пользоваться им могла только она при помощи особой электронной карты.

Однако эта приятная мелочь не особенно занимала девушку, потому что все мысли были заняты одним – смертью отца. Она-то готова ночевать даже в палатке под открытым небом, отказавшись от всяческой роскоши, лишь бы ее милый папка снова был жив и здоров.

* * *

За день до вылета в Москву Алена посетила Академию наук, чтобы уладить последние формальности, связанные с транспортировкой тела. Она получила необходимые бумаги, вице-президент академии высказал ей еще раз самые искренние соболезнования. Затем они немного поговорили о случившемся в лаборатории.

– Если бы я был суеверным, госпожа Кочубей, то заявил бы, что нас по пятам преследуют несчастья, – заметил вице-президент. – Сначала трагическая кончина вашего батюшки, а теперь пожар в лаборатории... К большому сожалению, были уничтожены многие уникальные аппараты стоимостью в сотни тысяч долларов. И самое печальное, огонь не пощадил и перевезенные в столицу останки королевской семьи и их приближенных. От скелетов теперь мало что осталось, разве что несколько обугленных костей. Однако для процедуры похорон это не так уж и важно.

– Известно ли уже, кто совершил поджог? – поинтересовалась Алена.

Ученый отрицательно качнул головой:

– К сожалению, в деле пока нет подвижек. Однако вы правы, госпожа Кочубей, имел место действительно поджог. Боюсь, что пожар каким-то непостижимым образом связан со смертью вашего отца. Эти экстремисты, желающие сорвать церемонию захоронения...

Неужели папка погиб от рук сумасшедших типов, отчего-то взъевшихся на короля Георгия спустя почти семьдесят лет после его гибели? Алене было очень обидно. Смерть папки можно было легко предотвратить. И почему они вообще выбрали его, а не, скажем, немецкого профессора или швейцарскую профессоршу? Только по причине того, что папка являлся руководителем группы ученых и его имя постоянно появлялось в прессе?

Вот о чем думала Алена, возвращаясь из Академии наук обратно в отель. Она бы могла пройтись по центру столицы, благо что было не очень далеко, но девушка предпочла воспользоваться метро. Три остановки – и она окажется в «Савое». Гулять по Экаресту она не желала – слишком еще свежи воспоминания...

Наступил час пик, экарестцы возвращались с работы. Алена стояла на подземной станции «Академия наук», ожидая поезда, который вот-вот должен был подойти. Наконец в туннеле загрохотало, послышался свист, сверкнули огни подъезжающего состава. Внезапно Алена почувствовала сильный толчок в спину. А затем еще один и еще. Кто-то элементарно пытался толкнуть ее на рельсы! Времени на принятие решения у девушки не было, она видела подкатывающийся поезд, мгновение – и она окажется внизу, под колесами...

Вдруг кто-то крепко схватил Алену за руку, и поезд пронесся в нескольких сантиметрах от нее. Девушка услышала недоуменные и укоряющие возгласы пассажиров. Ей что-то говорили, какой-то дяденька крутил пальцем у виска, а вальяжная дама, кажется, возмущалась тем, что сейчас молодежь даже в светлое время суток накачивается наркотиками под завязку и пытается броситься под поезд.

Но в том-то и дело, что Алена вовсе не пыталась броситься на рельсы! Ее элементарно спихивали под поезд! Да, да, толчок отнюдь случайным не был, некто ударил ее в спину целых три раза.

Девушка оглянулась и увидела высокого темноволосого мужчину с пронзительно-синими глазами, который все еще держал ее за локоть. Смутившись, он убрал руку, и Алена поняла – если бы не этот господин, лежать бы ей сейчас на рельсах. И наверняка она была бы сейчас или очень сильно искалечена, или, что вероятнее всего, мертва, разрезана на части тяжелыми колесами...

Алена забормотала слова благодарности по-герцословацки, потом перешла на английский. Из остановившегося поезда хлынул поток пассажиров, другой поток через несколько

мгновений потек в обратном направлении. Алену оттерли от мужчины с синими глазами, и она испугалась: что, если кто-то снова ударит ее в спину? Девушка отошла с платформы в глубину станции и уселась на скамейку около колонны, пытаясь глазами отыскать своего спасителя. Но тот как в воду канул. Вероятно, зашел в этот злосчастный состав, который с воем и грохотом покинул станцию.

Чувствуя, как сильно колотится ее сердце, Алена несколько раз глубоко вздохнула. Она пропустила три или четыре поезда, потому что боялась подойти к краю платформы. И только когда очередной состав уже замер, быстро встала в конец очереди и одной из самых последних втиснулась в вагон.

Наконец она добралась до своего номера в отеле и долго стояла под горячим душем, чувствуя, что ее бьет озноб. В голове теснились недодуманные вопросы. Может, она вообразила бог знает что, и никто на самом деле не пытался столкнуть ее на рельсы? Зачем кому-то убивать ее? Глупости какие! А зачем кому-то понадобилось убивать выдающегося ученого и замечательного человека, ее папку?

Нет, надо как можно скорее уносить ноги из Герцословакии. Здесь ее преследуют одни несчастья и беды. Как будто судьба поставила перед собой цель уничтожить в течение нескольких дней сначала профессора Кочубея, а потом и его дочку. А помимо этого, еще и результаты кропотливой работы ученого по идентификации останков королевской семьи.

Алена не могла точно сказать, верит она в судьбу или нет. Во всяком случае, девушка не была в этом вопросе столь категорична, как ее отец. И даже иногда просматривала гороскопы в глянцевых журналах или в Интернете...

Вечером Алена встретила с Катюшей, решив, однако, что не будет рассказывать о малоприятном инциденте в метрополитене. Аспирантка отца и так излишне впечатлительна и пуглива, не хватало еще, чтобы у нее случился истерический припадок.

Они недолго поболтали ни о чем, Катюша Горицветова выказала восхищение президентским номером, и девушки разошлись. Алена старалась не думать о том, что ожидает ее буквально через несколько часов. Тело профессора Кочубея помещено в свинцовый гроб, который из морга будет доставлен прямиком в аэропорт. Необходимые бумаги выправлены. Значит, завтра она попрощается с Герцословакией и покинет эту негостеприимную страну. Алена не желала больше возвращаться сюда! Потому что Экарест отныне и навсегда связан для нее со смертью папки...

* * *

Московский рейс был утренний, поэтому Алена встала рано, около половины шестого. Вещи уже собраны, оставалось только принять душ, заказать завтрак в номер и перекусить перед дорогой. В начале восьмого девушка спустилась на лифте вниз. Вещей у нее было немного – два небольших чемодана на колесиках, а также две сумки через плечо – одна со своими бумагами, другая с ноутбуком отца.

Администрация отеля «Савой» была настолько предупредительной, что предоставила в распоряжение Алены автомобиль с шофером, который доставил ее и Катюшу в аэропорт, – все бесплатно. Девушка, конечно, сообщила полиции о попытке обокрасть ее в гостинице, подав заявление и даже побеседовав со следователем, однако была уверена, что никогда больше не услышит ничего от правоохранительных органов Герцословакии – ни касательно попытки кражи ноутбука, ни касательно убийства папки. Здешняя полиция пользовалась дурной славой.

Девушка старалась не думать о том, что сама-то она будет сидеть в самолете, а гроб с телом папки будет находиться где-то под пассажирским салоном, в багажном отделении, возможно, прямо под ее местом.

Катюша Горицветова беспрестанно болтала, перескакивая с одной темы на другую, видимо стараясь отвлечь Алену от тягостных мыслей и стремясь сама взбодриться. Они выпили по чашке кофе с молоком в одном из баров, а затем отправились на паспортный и таможенный контроль.

Положив ручную кладь на «дорожку», Алена прошла сквозь рамку. Все было в порядке. Однако один из таможенников попросил по-английски вытащить ноутбук отца из сумки и включить его. Алена не понимала, зачем это нужно, но подчинилась требованию. Катюша, которая проходила осмотр через соседнюю рамку, уже наблюдала за Аленой сквозь стеклянную стену. Работники аэропорта тем временем копошились в сумке Алены и внимательно осматривали включенный ноутбук, о чем-то переговариваясь.

Девушку попросили отойти в сторону, к столику. Появился дородный усатый господин, который стал трясти ноутбук, а затем попросту взял его и унес в неизвестном направлении. Алена попыталась узнать у него, в чем дело, но господин в форме ничего не ответил, только кивнул на таможенников.

Один из них заявил Алене, что возникли непредвиденные осложнения и что ноутбук должен быть осмотрен специалистами. Девушка все старалась узнать, об осложнениях какого рода идет речь. Она точно знала, что в ручной клади у нее ничего запретного нет. Таможенники отшвыльвались общими фразами и не пропускали Алену в зал ожидания.

Паспорт вместе с посадочным талоном тоже был у таможенников, и Алене ничего не оставалось иного, как покорно ждать в сторонке. Катюша пыталась прорваться к ней, но ее не пускали. Алена сжимала руки в кулаки, заклиная себя не зареветь. Чего хотят эти типы? Вероятнее всего, одного – денег. Намеренно прицепились, вымогая взятку. И снова это произошло с ней! У нее оставалось немного здешней валюты, а также три купюры по сто евро. Алена была готова отдать все, лишь бы ее пропустили.

Наконец невысокая дама в форме и с рацией в руке подошла к ней и объявила на ломаном русском, что Алена должна проследовать за ней. Девушка так и сделала, бросив последний взгляд через стеклянную стену на недоумевающую Катюшу.

Они попали в длинный коридор и оказались в небольшой комнате без окон. Дама указала Алене на стул около квадратного стола и заявила, что сейчас с ней поговорят. Алена потребовала сообщить ей причину, по которой ее не пропускают в зал ожидания и конфисковали ноутбук, но дама уже сделала вид, что не понимает по-русски. Алена повторила свои претензии по-английски и по-немецки, но работница аэропорта быстренько вышмыгнула из комнаты. Послышался скрежет поворачивающегося в замке ключа. Дернув ручку, Алена убедилась в том, что ее заперли.

Девушка принялась ходить по комнате. Если бы она уселась на стул, то это выглядело бы так, будто она подчинилась, покорилась своей судьбе. А Алена не собиралась покоряться! Если из-за местных взяточников и крючкотворов она пропустит рейс на Москву, то им несдобровать! Герцословакия просто мерзкая страна, в которой все идет наперекосяк! Пусть не думают, что смогут отделаться стандартными извинениями! Она потребует объяснений, пожелает встретиться в российском послом, подаст в суд на работников аэропорта, в конце концов! Потому что ее удерживают, как преступницу, ничего не объясняя! Алена знала, что ни в чем не виновата, в ее багаже нет ни бомбы, ни наркотиков, ничего другого запрещенного к вывозу. Но отчего же ее заперли в этой комнатухе и забрали документы? Время тянулось бесконечно долго. Алена то и дело посматривала на наручные часы. Вот уже скоро и посадку объявят, а она все еще торчит здесь, и никто, кажется, не намеревается ее выпускать или хотя бы объяснить, в чем же дело...

Алена снова дернула ручку и принялась барабанить в дверь.

– Немедленно выпустите меня отсюда! – кричала она. – Я желаю получить разъяснения! Это самый настоящий произвол! Я на вас всех в суд подам!

Но никто на ее пламенные призывы не отозвался. Девушка, ощущая жажду, опустилась на пол рядом с дверью. Самолет вот-вот должен подняться в воздух. Выходит, что она не улетит в Москву, во всяком случае, своим рейсом. Алена заплакала – сказались стресс и напряжение последних дней. Она проклинала Герцословакию, Экарест, Академию наук и отчего-то короля Георгия Любомировича. Вот сумел бы тот, как некоторые из его родственников, сбежать за границу, тогда бы некого было и идентифицировать! Папку никогда бы не пригласили в эту чертову балканскую страну, и никакой бы трагедии не случилось. И отчего все так плохо и беспросветно?

Внезапно до слуха девушки донесся звук поворота ключа, и дверь приоткрылась. Размазывая по щекам слезы, Алена вскочила с пола, ринулась к выходу и увидела мужчину в униформе, который проскользнул в комнату и, прикрыв за собой дверь, приложил палец к губам. Ну надо же, ей еще запрещают плакать! Вы только посмотрите!

Алена закричала было по-английски, что не желает больше оставаться здесь, в камере, и хочет, чтобы ей объяснили причину ее задержания или немедленно выпустили, но осеклась. Потому что подумала, всмотревшись в лицо вошедшего субъекта, что где-то его уже видела. Так и есть, эти пронзительные синие глаза...

– Вы ведь спасли меня в метро, да? – спросила она по-русски и спохватилась: мужчина же ее не поймет. Вот ведь совпадение – вчера они встретились в подземке, а сегодня в аэропорту!

А странный субъект в тот момент уже осматривал в щелку приоткрытой двери коридор. И, не оборачиваясь, ответил, причем тоже по-русски и без малейшего акцента:

– Алена, не вопите вы так! Потому что если нас засекут, то будет очень плохо. И вам, и мне.

Затем он обернулся и добавил:

– А теперь выслушайте меня внимательно.

– Кто вы такой и что здесь происходит... – начала девушка, но мужчина властно поднял руку и оборвал ее:

– Вопросы, если позволите, потом. Если это «потом» вообще будет. Потому что не по своей воле вы вляпались в очень скверную историю. Они, и глазом не моргнув, избавятся от вас. Так же, как избавились от вашего отца.

Алена глубоко вздохнула, вдруг почувствовав, что в ушах у нее зазвенело. Что такое говорит этот нахал? Кто избавился от папки? «Они»? Да кто такие эти «они»?

– Или вы немедленно скажете мне, в чем дело, – заявила девушка, – или я закричу. Причем так громко, что меня на весь аэропорт будет слышно! Почему меня здесь удерживают, почему...

Субъект быстро прикрыл дверь, подошел к Алене и вдруг... поцеловал ее. Такого девушка совершенно не ожидала! Она попыталась отбиваться, замычала, но синеглазый тип был намного сильнее. И самое ужасное и позорное, что целоваться он умел, и Алене это понравилось. Нет, ну надо же, о чем она только думает...

– Извращенец! Сексуальный маньяк! Гадина! – посыпала словами возмущенная девушка, едва мужчина оторвался от ее губ. А тот сильно сжал запястье Алены и прошептал:

– Замолчите же, наконец! Иначе мне придется снова вас поцеловать. Вот уж удовольствие! Но как иначе заткнуть ваш фонтан?

Алена от неожиданности в самом деле смолкла. Никто до сих пор не жаловался на то, что целоваться с ней не является удовольствием. И вообще, что этот мерзавец о себе вообразил? Да ведь многие поклонники в институте и вне институтских стен были бы готовы на все, лишь бы Алена Кочубей, грациозная блондинка с серыми глазами и точеной фигуркой, их поцеловала! А нахальный тип еще смеет говорить гнусности!

– Вот так-то лучше... – пробормотал тип и отпустил запястье Алены. – Теперь слушайте меня внимательно. Повторять не буду. Ваше задержание – звено в цепи событий. Вас отсюда

уже не выпустят. Живой, во всяком случае. Ну, или сдадут в дурдом, где вас до такой степени накачают всяческой дрянью, что мозги расплавятся.

– Но почему? – спросила пораженная такой перспективой Алена. Но тип снова оборвал ее:

– Все вопросы после того, как мы выберемся отсюда живыми. Сейчас мне нужно ваше содействие. Зарубите себе на носу, Алена: я рискую ради вас собственной шкурой. Если вас схватят и убьют, это будет плохо, но я сумею пережить. А вот самому оказаться в лапах негодяев мне не хочется. Итак, сейчас мы выйдем в коридор, и вы сделаете вид, что я вас конвоирую: руки за спину, понурый взгляд в пол. И не вздумайте выкинуть какой-нибудь фортель! Потому что погубите нас обоих! Надеюсь, понятно?

Он распахнул дверь и кивнул головой. Алена вышла в коридор. Заметила нескольких типов в форме и тут же потупила взгляд, завела руки за спину. Синеглазый нахал тронул ее за плечо и так повел куда-то вперед.

Когда они проходили мимо типов в форме, один из них спросил у синеглазого что-то со смехом по-герцословацки. Тот в таком же тоне ответил, и раздался взрыв хохота. Алена поняла, что речь идет о ней. Похоже, мужланы обсуждали ее прелести и то, что синеглазый якобы намеревается сделать с прелестной пленницей. Больше всего девушке хотелось лягнуть сексуально озабоченных «мачо» в пах, но она продолжала играть роль покорной арестантки.

Наконец они завернули за угол – и оказались среди пестрой толпы пассажиров. Служебные помещения остались позади! Алена подняла глаза и осторожно осмотрелась. А затем, быстро обернувшись, пихнула синеглазого в грудь и побежала прочь. Но налетела на необъятных размеров туристку в цветастых бермудах и майке с надписью по-английски «Ты завидуешь мне, потому что только я слышу голоса из другого мира» и краем глаза заметила, что ее конвоир поднимается с пола. Толстуха заверещала что-то по-немецки. Алена спешно извинилась и помчалась дальше, размышляя на ходу: даже если произошла задержка и самолет еще не вылетел, она все равно не сможет подняться на борт – заграничный паспорт и посадочный талон остались ведь в руках таможенников!

Девушка выбежала из здания аэропорта. Так что же ей сейчас делать? Наверное, надо обратиться в посольство России, там ей должны помочь. Но у нее и портмоне изъяли, нет денег ни на автобус, ни на такси, дабы вернуться в Экарест! И позвонить она тоже не сумеет!

Внезапно Алена увидела нескольких субъектов в форме. Один из них указал на нее, и мужчины бросились к ней. Девушка быстро приняла решение – юркнула назад в здание аэропорта. Но и тут ее легко найти: наверняка на каждом шагу камеры... Алена неслась по залу, лавируя между пассажирами и тележками с багажом. Мысли в ее голове неслись с не меньшей скоростью.

О чем вещал синеглазый нахал? Существуют какие-то «они», которых ей стоит опасаться. И папка стал их жертвой. Но кому было нужно убивать профессора Кочубея? В том-то и суть, что никому! Он ведь был ученый, прибыл в Герцословакию, чтобы идентифицировать останки злосчастного короля и его семьи. Разве это может являться основанием для злодейского убийства?

Алена вскочила в лифт, двери которого сразу захлопнулись, и кабина пришла в движение. Девушка немного передохнула. Вместе с другими пассажирами она вышла на уровне подземного паркинга. Отсюда она точно сумеет выбраться наружу! И, если надо, пойдет до Экареста пешком. К вечеру доберется...

Но не тут-то было! Подходя к выходу, Алена заметила, что со всех сторон ее окружают полицейские. Наверняка и в паркинге есть камеры! Девушка затравленно оглянулась – уйти от преследователей не было возможности. Ее обложили, как лисицу на охоте.

– Поднимите руки и замрите на месте! – приказал один из полицейских, целясь в Алену из пистолета.

Почему они ведут себя с ней так, будто она завязная убийца или подлая террористка? Что такого она сделала? Отчего неведомые «они» интересуются ею?

Алена медленно подняла руки. А вдруг полицейские ее застрелят и впоследствии будут утверждать, что она пыталась удрать или оказала сопротивление? Да нет же, какой бы разнужданной ни была коррупция в Герцословакии, законопослушных граждан и туристов здесь на улицах просто так не убивают. И в подземных паркингах наверняка тоже.

Внезапно послышался визг тормозов и шелест шин. Из-за поворота появилась темно-красная машина, которая неслась прямо на полицейских. Те бросились в разные стороны, а автомобиль, немного замедлив ход, оказался перед Аленой. Его задняя дверца была приоткрыта. За рулем сидел все тот же синеглазый нахал!

– Живо! – крикнул он.

Алене дважды повторять не пришлось, она нырнула на заднее сиденье. И в тот же момент раздались выстрелы. Заднее стекло с треском разлетелось, накрыв девушку мелкими осколками. Придется долго вычесывать их из волос, – как-то отстраненно подумала Алена.

Автомобиль тем временем набрал скорость, пробил шлагбаум и вынырнул из паркинга на трассу. А в них по-прежнему стреляли – Алена слышала жужжание пуль! Господи, ведь так и убить могут... Девушка все еще не могла поверить, что это происходит с ней, а не с героиней триллера.

Лежать скорчившись на заднем сиденье показалось Алене неудобно, и она немного подвинулась. И вдруг перед ее глазами оказалась сумка, та самая сумка, в которой...

– Послушайте, откуда у вас ноутбук моего отца? – задохнулась от возмущения девушка, поднимая голову. И немедленно мимо ее уха что-то просвистело. Лихо управляясь с рулем, синеглазый субъект крикнул:

– Пригнитесь, черт побери! Если бы вы не устроили самодеятельное представление в аэропорту, которое привлекло внимание службы безопасности, мы бы давно выбрались оттуда и никто бы в нас сейчас не стрелял, никто бы нас не преследовал!

– Вы пытаетесь обвинить меня в том, что эти сумасшедшие... – произнесла Алена, и вдруг услышала, как нахал ойкнул и выругался. – С вами все в порядке? – спросила Алена, а синеглазый огрызнулся:

– Если не считать того, что пуля едва не оторвала мне ухо, все в полном порядке! Теперь вот кровь хлещет... Но вы-то хоть не вертите головой! Иначе в ней появится дырка!

Алена, прижавшись щекой к сумке с ноутбуком, зажмурила глаза и принялась молиться. Если бог есть, он ей поможет. А если нет, хуже все равно не станет.

Через несколько минут опять раздался голос нахала:

– Кажется, оторвались. Во всяком случае, больше никто не стреляет. Ну да, здесь, в Герцословакии, подобные погони – редкость.

– А где вы научились так хорошо говорить по-русски? – спросила Алена, все еще не смея поднять голову.

– Там же, госпожа Кочубей, где и вы, – в Советском Союзе! – последовал саркастический ответ. – Я, как и вы, родился и вырос именно там. В Орле. А вот вы, насколько мне известно, в столице.

– Но вы говорите по-герцословацки, причем, вероятно, без малейшего акцента, – продолжала девушка. – Иначе те типы в коридоре, когда вы изображали таможенника, заподозрили бы неладное.

– Не таможенника, Алена Павловна, а пограничника, – пояснил странный тип. – Да, по-герцословацки я говорю без акцента, вы правы. Причем вы сами, наверное, уже имели возможность убедиться, что мелодика этого языка почти такая же, как и русского, он ведь тоже славянский. Кроме того, я говорю по-английски, по-немецки, по-испански, по-итальянски и еще на нескольких других языках. Впрочем, с акцентом, более или менее явным.

Алена приподнялась с сиденья. Автомобиль несся по трассе в сторону столицы. Ветер, проникавший в салон через разбитое заднее стекло, трепал ее волосы.

– А почему по-герцословацки-то без акцента? – поинтересовалась девушка, на что синеглазый нахал ответил:

– Мой отец – герцословак, но учился на инженера в СССР, там же познакомился с моей мамой. Но это не так важно.

Алена, взяв на колени сумку с ноутбуком, заявила:

– Вы правы, это не так важно. Важно, что вы добыли мою собственность. Я вам очень признательна.

– Положите ноутбук на место! – сердито бросил синеглазый.

– Иначе что? – спросила язвительно Алена. – Вы сдадите меня на руки преследователям? Или поставите в угол?

– Алена Павловна, ведите себя подобающе, – прервал ее странный субъект. – Не забывайте, что за последние два дня я два раза спас вам жизнь – вчера в метро, где вас пытались толкнуть под поезд, и сегодня в аэропорту, который вы живой точно не покинули бы. Благодарите судьбу, что они работают так нерасторопно. Иначе могло стать так, что я, проникнув к служебным помещениям, нашел бы ваш бездыханный труп. Но пока они связывались со своими шефами, пока те высылали убийцу...

– Убийцу? – воскликнула Алена. – Но ведь меня задержали таможенники. Или пограничники. А, какая разница! Они же государственные служащие! И аэропорт тоже государственный!

– Аэропорт – частное акционерное общество, – сообщил тип за рулем. – Служащие в самом деле государственные, но если имеешь много денег, то здесь, в Герцословакии, можно любого купить. А ваша жизнь стоит не очень много...

– Да что вы? – заметила злобно Алена. Вообще-то она и в самом деле должна быть благодарна своему спасителю, но ничего, кроме глухого раздражения, девушка сейчас не ощущала. – А зачем тогда на меня покушались?

– Не обольщайтесь, Алена Павловна, – усмехнулся синеглазый, останавливаясь на светофоре (они уже въехали в спальный район Экареста). – Ваша жизнь и гроша ломаного не стоит. Охота идет не за вами, а за ноутбуком вашего отца, профессора Кочубея. Его пытались похитить из отеля, но вы тогда помешали. Поэтому они приняли решение ликвидировать вас, чтобы добраться до ноутбука. В метро не вышло, поэтому они сделали так, чтобы вас задержали в аэропорту.

– Да кто эти мифические «они»? – крикнула в сердцах Алена. – И зачем им ноутбук? И если «они» им все-таки завладели, отобрав у меня сумку при досмотре, то отчего он оказался в ваших цепких лапках? Вы что, тоже работаете на них?

Синеглазый, шея которого была испачкана кровью, остановил поток ее недоумения:

– Алена Павловна, слишком много вопросов за один раз. Отвечаю быстро и коротко: да, я на них работаю. Вернее, делал вид, потому что работаю только на самого себя. И ноутбук нужен мне так же, как и им. Я его украл, что, кстати, не составило особого труда, – растяпы не могли и вообразить, что кто-то посмеет совершить подобное. И наконец, кто такие «они»... Но тут в двух словах не объяснишь.

– Так объясните в трех или даже четырех! – потребовала Алена. – Учтите, ноутбук я вам не отдам. И никому другому тоже! Это собственность моего покойного отца, а я – его единственная наследница. Стало быть, ноутбук мой!

Мужчина за рулем усмехнулся и кинул на Алену насмешливый взгляд в зеркало заднего вида.

– Тогда мне придется забрать его у вас силой. Потому что если это не сделаю я, то сделают они. И их методы куда более жестокие, Алена Павловна. Я помогу вам оказаться в Москве, где вы сможете забыть все, как страшный сон. А вы взамен отдадите мне ноутбук.

– Не согласна! – воскликнула возмущенная Алена, прижимая к груди сумку с переносным компьютером. – Ничего я вам не отдам!

– Алена Павловна, я и не интересовался вашим мнением на сей счет. Это было не предложение, а констатация факта. Ноутбук вы мне отдадите, по-хорошему или по-плохому. Потому что я тоже умею применять силу.

– И что же вы намерены делать? Выкручивать мне руки, бить меня резиновой дубинкой, угрожать пистолетом, сильный вы наш?

– Могу и это, Алена Павловна, – ухмыльнулся мужчина. – Однако, думаю, будет достаточно поцеловать вас еще разок покрепче, и вы сами отдадите мне сумку. Так ведь?

Алена, покраснев, задохнулась от наглости синеглазого типа. Пусть только не воображает, что ей понравилось! А ей ведь совсем даже и не понравилось, а чрезвычайно противно было, как будто она с жабой целовалась!

– Кто вы вообще такой? – процедила девушка. – Бандит, что ли?

– Вы почти угадали, Алена Павловна! – ответил нахал. – И можете так не прижимать к себе сумку с ноутбуком, все равно вам придется отдать мне его.

– И зачем он вам? Вы что, крадете подержанную технику, продаете ее скупщику, на то и живете?

– Не все так просто... – усмехнулся молодой человек. – Вы, я вижу, не понимаете, что ставки в этой игре намного выше, так что мне придется вам кое-что объяснить. Но не сейчас, а когда мы окажемся на месте.

– На каком еще месте? Высадите меня немедленно! – потребовала Алена. – Ну, живо, иначе я просто выпрыгну на ходу!

Наглый субъект послушно остановил автомобиль и галантно проговорил:

– Насильно я вас удерживать не собираюсь. Учтите только, что самое позднее через час вы окажетесь в лапах тех, от кого я помог вам сбежать. И на сей раз они церемониться не будут, потому что наверняка чрезвычайно раздосадованы фактом исчезновения – вашего лично, а еще больше ноутбука. И они способны на все! Сначала вас подвергнут физическим истязаниям, а затем, когда вы все расскажете, попросту ликвидируют. И ваше тело никогда не найдут – его закопают в лесополосе или бросят на дно водохранилища. Ну, всего хорошего, Алена Павловна!

Девушка, уже распахнувшая дверцу, задумалась. А вдруг синеглазый нахал говорит правду? Или он намеренно запугивает ее, чтобы не позволить уйти?

– Я обращусь в полицию! – заявила Алена. – И в российское посольство!

– Ах, неужели? – всплеснул руками странный незнакомец. – И вы думаете, что они вас спасут? Про здешнюю полицию и говорить смешно, вас сдадут с потрохами вашим же преследователям. А что до посольства... Так вам ведь еще до него надо добраться, и я ставлю десять против одного, что около здания посольства дежурит парочка типов, которые сцапают вас в тот момент, когда вы подойдете к забору. Так чего же вы замерли, Алена Павловна? Если хотите в полицию, это направо, а если в посольство – налево.

Алена колебалась. Мужчина говорил таким уверенным тоном, что она ему поверила – против своей воли. И спросила тихо:

– А зачем убили моего отца?

Молодой человек усмехнулся:

– Конечно, я могу вас просветить, но не здесь и не сейчас. То есть сначала вы закроете дверцу, и мы сможем отправиться в надежное место. Потому что на нас уже пялятся, ведь у

нашего автомобиля отсутствует заднее стекло и помят капот. Да он к тому же краденый. А герцословацкая полиция хоть и продажная, однако работать умеет.

Алена решительно захлопнула дверцу. Тип, с которым ее столкнула судьба, конечно, чрезвычайно подозрительный, явно связанный с криминалом, однако рядом с ним девушка почему-то чувствовала себя спокойно. И ведь он спас ей жизнь! Целых два раза! Значит, на такого можно положиться...

– Вижу, здравый смысл возобладал, – произнес молодой человек, и автомобиль тронулся с места.

Алена помолчала немного и произнесла:

– Хочу вас поблагодарить за то... за то, что вы сделали для меня. И как вас, собственно, зовут?

– Ах, пустяки! – отмахнулся ее спутник. – Я сделал это не для вас, Алена Павловна, а исключительно для себя. Однако если вам хочется думать так, что я польстил на ваши прелести и, подобно благородному рыцарю, вырвал вас из рук огнедышащего дракона, думайте себе на здоровье! Как меня зовут? Можете называть меня Андреем!

Алена тут же пожалела, что поблагодарила этого нахала. Ноутбук она ему не отдаст ни при каких обстоятельствах! А как только выдастся возможность, тотчас удерет. Но сначала следует выяснить, в чем же тут дело. Она должна знать, кто убил ее отца. И, самое главное, почему.

Автомобиль наконец затормозил перед высотным домом – типичной многоэтажкой, каких было великое множество в спальных районах герцословацкой столицы.

– Значит, так, Алена Павловна... – нарушил затянувшееся молчание тип, назвавшийся Андреем. – Ноутбук вы оставите в салоне. Увы, вам я доверять не могу, да я вообще никому не доверяю! Сами же выходите и садитесь вон на ту лавочку, а я займусь машиной. От нее надо избавиться, потому что через нее до нас могут добраться. На это мне потребуется кое-какое время. Но, честное пионерское, я вас не брошу! Потому что вы мне еще нужны. Надеюсь, когда через полчаса я сюда вернусь, вы все еще будете на лавочке. Ну, а если нет, пеняйте на себя – в третий раз я спасать вашу никчемную жизнь не намерен. У меня и так полно проблем!

Алена молча вышла из автомобиля, оглушительно хлопнув дверцей, подошла к лавке, уселась на нее и принялась ждать. Прошло двадцать минут, полчаса, сорок минут. Она ждала уже почти час, а синеглазый нахал все не появлялся. Так и есть, он элементарно ее надул! Или с ним что-то приключилось? Да нет же, с такими, как этот Андрей, никогда ничего не приключается!

Девушка заметила полицейский автомобиль, который медленно полз по улице, и, вздрогнув, уставилась в асфальт. В этот момент железная дверь подъезда распахнулась, и Алена увидела молодую беременную женщину, пытающуюся справиться с детской коляской. Алена бросилась к ней, помогла спустить коляску по ступенькам. Женщина улыбнулась и принялась что-то тараторить по-герцословацки. Алена промывчала нечто нечленораздельное, тоже улыбнулась и закивала головой. Краем глаза она видела, что один из полицейских, находящихся в автомобиле, внимательно смотрит в их сторону. Неужели ищут ее? Еще бы, ведь она удрала из аэропорта! Наверное, ее занесли в списки преступников или хуже того – объявили в розыск. И все из-за ноутбука! Но что же так заинтересовало неизвестных ей злодеев в папкинском компьютере? Насколько знала Алена, там ничего сногшибательного не было – его научные статьи в электронном виде, переписка с коллегами да последние результаты исследований. Конечно, кое-какие ученые много бы дали, чтобы завладеть этой информацией, однако не такими же способами... Да и никому, кроме узких специалистов, содержимое ноутбука профессора Кочубея никаких дивидендов не принесет. А за ним охотятся вовсе не ученые черви, а головорезы!

Полицейский автомобиль, слава богу, проехал дальше. Алена облегченно вздохнула. Молодая мамаша, которой, видимо, не с кем было поговорить, продолжала щебетать, не обращая внимания на то, что Алена ей не отвечает.

– Вы, я вижу, уже заводите контакты с аборигенами? – раздался знакомый голос.

Обернувшись, Алена увидела Андрея – он переоделся и выглядел сейчас не очень опрятно. Довершала непрезентабельный вид засаленная кепка.

Странный тип пустился в разговор с мамашей, что-то ей объяснил, та звонко рассмеялась и, махнув на прощание рукой, отправилась с коляской в близлежащий сквер.

– Что вы ей сказали? – спросила подозрительно Алена.

– Сказал, что мы вот-вот поженимся и что вы тоже ожидаете ребенка. Она пожелала нам всего наилучшего! – ответил синеглазый нахал.

Алена только фыркнула. А спустя минуту поинтересовалась:

– А где ноутбук? Что вы с ним сделали?

– Не волнуйтесь, Алена Павловна, я не заложил его в ломбард. Думаете, я случайно высадил вас здесь? Недалеко отсюда у меня имеется берлога, я уже побывал там, переоделся и оставил ноутбук.

– Ага, вы прохлаждаетесь, а я торчу на улице! – возмутилась девушка. – Какой же вы после этого джентльмен...

Андрей изумленно уставился на нее.

– А кто вам сказал, что я джентльмен, Алена Павловна? Ну что, так и будете со мной препираться или мы все же отправимся с безопасное место?

Алена пошла за Андреем. Они пересекли оживленный перекресток, спустились в подземный переход, затем миновали несколько кварталов и оказались перед многоэтажкой – точно такой, перед которой Алена сидела на лавочке.

– И вы не могли сразу меня сюда привезти, вместо того чтобы бросать одну в чужом городе? – спросила язвительно девушка, когда они зашли в грязноватый, мрачный подъезд.

– Ну, вы все же не ребенок, чтобы пугаться чужого города, – отвечал Андрей, поднимаясь по лестнице. – А сразу я вас привезти не мог, потому что не знал, есть за нами «хвост» или нет. Не мог же я выводить преследователей к моему логову!

Алена задыхнулась от возмущения. Он всегда думает только об одном – как бы спасти свою шкуру! И готов пожертвовать ею! Впрочем, девушка тут же вспомнила, что молодой человек дважды уже помог ей. Наверняка только потому, что она нужна ему как источник информации!

Квартира располагалась на третьем этаже. Открыв дверь и пропустив девушку в полутемный коридор, Андрей пояснил:

– Я всегда живу или на самом верху, или пониже. Чтобы в случае чего можно было удрать через крышу или спрыгнуть вниз.

Обстановка квартиры была спартанской, здесь явно останавливались на время.

– И что, часто приходится удирать? – спросила Алена, проходя на кухню.

Ей сразу бросились в глаза папкин ноутбук на столе, а также несколько пакетов с едой из супермаркета. Выходит, Андрей еще и за продуктами сбегал, пока она сидела и ждала его. Девушка заметила крошечный букетик фиалок, стоявший в банке из-под кабачковой икры. Это для нее, что ли? Ну надо же, какой галантный!

Снимая кепку, Андрей ответил на ее вопрос:

– Часто, Алена Павловна. Такой уж у меня профиль работы.

– Какой – такой? – продолжила расспросы девушка, чувствуя, что проголодалась. Все же она только легко позавтракала в отеле рано утром.

С тех пор как будто прошло несколько лет... А ведь она могла уже быть в Москве...

– И прекратите называть меня по имени-отчеству! – потребовала Алена, усаживаясь на колченогую табуретку около холодильника. – Иначе мне тоже придется вас так звать. Андрей... Как вас по отцу?

– Все равно не выговорите, герцословацкие имена очень сложные, – ухмыльнулся странный тип. – Что хотите пить – чай, кофе, сок, воду из-под крана? Думаю, что и закусить вы не откажетесь. Потому что на вас лица нет. Понимаю, посттравматический шок!

Алена извинилась и вышла в ванную. Там она долго мылила руки, смотрясь в сиротливое зеркало на голой стене, плакала, а затем ополаскивала лицо. Что же произошло с телом папки? Его-то хоть отправили в Москву? Катюша вылетела в Россию, там она обо всем позаботится. На папину аспирантку можно положиться. Только вот когда сама Алена окажется на родине? Если вообще окажется...

– Кофе готов! И яичница с ветчиной тоже! – раздался веселый голос Андрея. – Надеюсь, вы там не купаться надумали? Потому что тогда бы вам следовало сначала отдраить как следует ванну. Я, честно говоря, ее еще ни разу не мыл с тех пор, как здесь поселился.

Алена бросила взгляд на буровато-желтую поверхность ванны. В такую она и под угрозой китайских пыток ни за что бы не ступила!

Девушка вернулась на кухню, где вкусно пахло яичницей и жареной ветчиной. Андрей поставил перед девушкой тарелку, спихнул на нее содержимое со шкворчащей сковородки и улыбнулся:

– Приятного аппетита!

Алена принялась за еду. То ли она была так голодна, то ли синеглазому нахалу удалась восхитительная яичница, но было удивительно вкусно. Да и кофе Андрей умел готовить превосходный. Сам же хозяин квартиры, куря, попивал апельсиновый сок.

– Я не выношу табачного дыма, – заметила девушка. – И вообще, вы портите свое здоровье!

– Меня могут убить в любой момент, так что вряд ли мне предстоит смерть от рака легких, – ответил с обезоруживающей прямоотой Андрей.

Алена вдруг вспомнила папку. Тот ведь тоже совсем недавно шутил по поводу смерти, не подозревая, что так скоро умрет. То есть будет убит...

Затушив сигарету в блюде, Андрей бодро объявил:

– А теперь посмотрим, есть ли в ноутбуке вашего отца-профессора то, что я ожидаю. Думаю, есть, иначе бы за ним не шла такая охота. И вашего отца не убили бы.

Девушка поперхнулась кофе:

– Кто его убил? Вам известны имена?

– Лично с убийцей я незнаком, – покачал головой Андрей. – Но, думаю, знаю, кто отдал приказ. А человек, который заманил вашего отца в квартал «красных фонарей» и затем огрел его по затылку несколько раз куском трубы, скорее всего, даже и не подозревал, что за старик находится перед ним.

– Мой папа не был стариком! – воскликнула Алена. – Ему было пятьдесят семь!

– Ну, юношей нежным его тоже сложно назвать, – протянул Андрей. Он уже включил ноутбук. – Ага, тут пароль... Однако взломать такой – пара пустяков! Я пойду к себе в кабинет, а вы можете пока телевизор посмотреть. Впрочем, все каналы на герцословацком... Тогда вымойте посуду.

– Может, мне еще и всю квартиру убрать, и ванну отдраить? – заметила саркастически Алена, на что Андрей пленительно улыбнулся, продемонстрировав идеальные зубы:

– Отличная идея! Ведро и тряпка в кладовке, там же чистящие средства. Я купил их года три назад, но еще ни разу не пользовался. Вы, думаю, разберетесь...

Алена со стуком опустила на столешницу пустой бокал.

– А теперь, многоуважаемый Андрей с непроизносимым герцословацким отчеством и неведомой фамилией, вы расскажете мне, кто отдал приказание убить моего отца! Причем немедленно!

Синеглазый нахал парировал:

– Вот что, многоуважаемая Алена! Не хочу показаться бестактным, но если я вам что-либо и сообщу, так по своей воле и когда сам сочту нужным. Без меня вас бы давно уж и на свете не было, так что с вашей стороны было бы уместно выразить мне благодарность не только словесно. Но, как человек скромный, я многого не требую – уберитесь как следует в квартире, с меня и хватит!

И Андрей удалился с кухни, держа в руках ноутбук. Алена в сердцах швырнула ему вслед губку для мытья посуды. Что за наглец и мачо! Наверняка считает, что все женщины должны штабелями падать к его ногам! А может, так оно и есть?

Девушка решила, что ничего делать не будет – если надо, пусть хозяин квартиры наймет уборщицу или сам тут все приберет. Однако тяжелые мысли вновь одолели Алену. И чтобы отделаться от них, она открутила кран и принялась мыть посуду. А потом в самом деле заглянула в кладовку и выудила затянутое паутиной ведро, обнаружив заодно какие-то баночки и тюбики, срок годности которых уже давно истек. Она мыла кухонный стол, когда появился Андрей.

– Что вы делаете? Я же пошутил насчет уборки! – воскликнул он шокированно.

Алена же сказала без тени улыбки:

– А вот я совсем даже не шучу. И как вы можете в таком свинарнике жить? А ваши подруги, неужели ни одна из них не может взять в руки тряпку и навести порядок?

Андрей слегка покраснел и промямлил:

– Мои подруги такого сорта, что уборкой не занимаются и за все требуют денег... Но хватит об этом. Алена, вы должны помочь мне! Потому что я просто тону в диаграммах, терминах и выводах вашего отца.

Девушка, сняв резиновые перчатки, направилась вслед за ним в так называемый кабинет, оказавшийся большой комнатой, заваленной книгами и бумагами. Впрочем, там имелась современная техника, а также целых три навороченных компьютера.

Интересно, подумала девушка, а что за подруги у него такие? Девушки с улицы, что ли? Несчастный он человек, если довольствуется продажной любовью.

Ноутбук профессора Кочубея стоял открытый на столе. Пароль был уже взломан, и Алена заметила, что Андрей просматривал файлы. Девушка присела в кресло и принялась просматривать содержимое папки переносного компьютера.

– Если бы я знала, что именно вы ищете, мы могли бы сэкономить массу времени, – заметила она через некоторое время. – Думаю, Андрей, вам придется колотиться! Итак, за чем именно вы охотитесь? Это ведь каким-то образом связано с расстрелянной королевской семьей, я права?

Тип почесал подбородок и вздохнул:

– Пожалуй, бессмысленно отрицать... Меня интересуют драгоценности Любомировичей.

– Мы в самом деле нашли в шахте массу драгоценностей, – подтвердила Алена. – Ага, вот, кажется, их список. Я совсем не специалист, но, думается, камни потянут на сотни тысяч долларов, а то и на несколько миллионов!

Андрей махнул рукой:

– То, что найдено среди останков, меня не занимает. Это всего лишь крошечная часть фамильной сокровищницы короля. По имеющимся у меня сведениям, Любомировичи в первые дни 1946 года готовились бежать за границу. В ссылку король и королева прихватили, помимо всего прочего, и большую часть сокровищ.

– Их что, не обыскивали? – удивилась Алена. – Да ведь им потребовалось бы наверняка несколько товарных вагонов, дабы перевести все золото и монеты!

Андрей мотнул головой:

– Золото в монетах и слитках и прочие ценности остались в столице и почти сразу стали добычей коммунистов. Я же веду речь о драгоценностях, которые передавались в королевской семье из поколения в поколение, от вдовствующей королевы к королеве новой, от матери к дочери. Эти драгоценности могли бы уместиться в небольшом кофре, однако стоят они баснословно много. Отборные камни, работа лучших мастеров своего времени. Вот они-то после революции бесследно исчезли. Кое-какие, второсортные, остались, их можно до сих пор увидеть в Алмазном кабинете королевского дворца. Но мало кто знает, что бо́льшая часть драгоценностей вот уже несколько десятков лет считается потерянной. Причем за границей украшения так и не всплыли. А значит, они, по всей видимости, находятся еще в стране. Мое предположение таково: королевская семья взяла их с собой в ссылку. Их не очень проверяли и уж точно не обыскивали, когда отправляли из Экареста, ведь у власти тогда было буржуазное Временное правительство. И только когда несколько месяцев спустя товарищ Хомучек и его друзья спихнули своих бывших соратников и провозгласили диктатуру пролетариата, все изменилось. А королевскую семью через пару недель расстреляли. Так что Любомировичи вполне могли держать при себе кофр с драгоценностями. И, думаю, спрятали его где-то недалеко от места своего заточения. Поэтому я рассчитываю найти указание на то, где стоит искать драгоценности, в нутбуке вашего отца.

– Значит, вы авантюрист, охотник за королевскими бриллиантами? – иронично усмехнулась Алена. – Этаким современный Остап Бендер? Только где же ваш Киса Воробьянинов или Шура Балаганов?

– Предпочитаю работать один, – потупил взор Андрей. – Тогда делить добычу не приходится.

– Думаю, охота за королевскими сокровищами не первая ваша акция? – спросила девушка. – Только, судя по более чем скромной обстановке вашего логова, предыдущие успехом не увенчались.

Авантюрист хмыкнул.

– Много будете знать, скоро состаритесь, Алена! Отвечу фразой из упомянутого вами бессмертного романа: «Может, вам и ключи от квартиры дать, где деньги лежат?» Зачем мне жить на широкую ногу и тем самым привлекать к себе внимание? Вы не правы, мои операции принесли мне определенный доход, но не такой большой, как хотелось бы. Поэтому мне нужно найти драгоценности Любомировичей. Вот тогда уж мне не придется больше работать и заботиться о хлебе насущном. Куплю себе остров в Тихом океане и заживу размерной жизнью мультимиллионера.

– Но, вероятно, не вы один стремитесь заполучить драгоценности, – пожала плечами Алена. – Кто же еще? Кто ваши «коллеги» или, наоборот, конкуренты – здешняя мафия, спецслужбы, какой-нибудь балканский олигарх?

Андрей протянул ей журнал, на обложке которого красовалось семейство претендентов на герцословацкий трон – великий князь Борис вместе со своими родителями Кириллом и Фелицей. Троица с искусственными улыбками на лицах сгруппировалась вокруг сидевшей в инвалидном кресле герцогини Зои, облаченной в розовое платье с кружевами и рюшами.

– Любомировичи? – изумилась девушка. – Но зачем им охотиться за драгоценностями? Ведь они и так, наверное, принадлежат им.

– Речь идет не только о драгоценностях, но также о возвращении ближайшим родственникам последнего короля земельных владений в стране и за рубежом, а также счетов в ряде зарубежных банков. И это колоссальная сумма! Любомировичи хоть и правили небольшой страной, но считались одним из самых богатых венценосных семейств в Европе. Права на все

движимое и недвижимое имущество, которое Герцословакия намерена возвратить Любомировичам, а также на счета в банках и владения за границей, до сих пор не возвращенные, предъявила Зоя. Но за бабкой стоят ее сыночек и невестка, которые, в свою очередь, двигают к престолу собственного сынка Борю. Ведь недавно на полном серьезе обсуждался проект восстановления в стране монархии. Власть, конечно, это отрицает – кому нужен сейчас король? Но кто знает, кто знает... Многие думают, что если на трон усядется Любомирович, то ситуация немедленно стабилизируется и все придет в норму. Так произошло, к примеру, в Испании: в середине семидесятых фашистский диктатор Франко умер, главой государства стал король Хуан Карлос, страна начала демократизироваться, экономика заработала, повалили туристы. Кстати, старушка Зоя спонсировала не так давно праворадикальную партию, которая пользуется весьма большой поддержкой населения. Она хочет сделать своего внука если не королем, так хотя бы премьер-министром. Как в Болгарии, где бывший монарх несколько лет назад занимал должность главы правительства.

Андрей помолчал немного и добавил:

– Думаю, она и отдала приказ убить вашего отца, Алена!

– Но зачем ей убивать моего отца? – воскликнула девушка. – Герцогине ведь далеко за восемьдесят! Она что, в маразм впала? Профессор Кочубей был всего-навсего ученым, в политические дела не вмешивался, в экономические вопросы, имеющие отношение к реституции, тем более! Отец просто идентифицировал останки брата Зои, короля Георгия, и его семейства! Наоборот, она должна была всемерно поддерживать его действия!

Авантюрист возразил:

– Люди, которые за вами охотились, бабкины, я точно знаю. Ей, может, и под девяносто, но голова у нее работает как компьютер. Значит, у нее имелись какие-то причины, чтобы отдать приказ о ликвидации профессора Кочубея. Я ведь, сознаюсь, отслеживал передвижения вашего отца... Так вот, за день до гибели он встречался с великим князем Кириллом и его супругой Фелицей. Они о чем-то беседовали около часа, и профессор вышел из их офиса в центре Экареста на редкость взбодораженным.

– А мне ничего не сказал об этой встрече, – заметила Алена. – Что еще вам известно? Вы следили за ним в ночь его смерти?

– Нет, – ответил Андрей и качнул головой. – Не мог же я вечно таскаться за ним, у меня имеются и другие дела! Ага, смотрите-ка...

Его внимание привлекла строчка в заголовках новостей на одной из веб-страниц. Там значилось следующее: «Оглашены выводы экспертов: найденные останки принадлежат членам королевской семьи и верным слугам. Ни один из Любомировичей не спасся. Об этом было официально объявлено на пресс-конференции».

Андрей отыскал в Интернете кадры с пресс-конференции, состоявшейся около полудня. Алена увидела папиных коллег, сидевших за длинным столом. Сообщение делала вовсе не профессор Дорнетти, возглавлявшая теперь экспертную комиссию, а немец Уве-Свен Хохмайер. Мюнхенский профессор буквально лучился от радости – наконец-то и он оказался в центре всеобщего внимания! На английском с сильным немецким акцентом он зачитывал выводы: останки короля Георгия, королевы Марии, четверых их сыновей, а также дочери, принцессы Василисы, как и останки слуг, были однозначно идентифицированы комиссией.

– Несмотря на то что несколько дней назад останки сильно пострадали в результате пожара, это никак не повлияло на работу нашей комиссии, потому что основные исследования были к тому времени уже завершены, – проскрежетал немец.

Алене сделалось грустно: ее отец, проделавший основную работу, не дожил до сего момента, а ведь именно Павел Леонидович Кочубей должен был стоять у микрофона и зачитывать выводы экспертизы, а не какой-то напыщенный немецкий профессор...

Девушка закрыла страницу и принялась просматривать содержимое папкиного ноутбука.

– Не думаю, что здесь содержится указание на то, где Любомировичи спрятали свои драгоценности, – заметила она. – Моего отца сокровища не интересовали.

– Раз Любомировичи его уничтожили, значит, он узнал что-то очень важное, то, что могло нанести им вред, – не согласился с ней Андрей. – Аристократов волнуют только две вещи: деньги и власть. Значит, речь идет о сокровищах короля. Или, не исключая, о его имуществе за рубежом и доступе к тамошним счетам. Я и на такое согласен. В банках по всему свету у покойного короля с королевой лежит несметное количество долларов, фунтов стерлингов, швейцарских франков. Одни только проценты за семьдесят лет составляют десятки, а то и сотни миллионов! В списке самых богатых монархов 1939 года, незадолго до начала Второй мировой войны, Георгий Любомирович шел сразу за бельгийским королем, а тот считался тогда самым богатым венценосцем в мире.

Авантюрист уже потирал руки в предвкушении чужих богатств.

Алена наткнулась на файл, защищенный паролем. Андрей уверил ее, что вскрыть его не составляет проблем, и через несколько минут пароль был действительно взломан.

Глазам Алены предстали диаграммы сравнительного анализа ДНК, а также короткий вывод. Девушка, не веря своим глазам, перечитала его три раза.

– О чем идет речь? – спросил нетерпеливо Андрей. – Ничего не понимаю! Сплошные термины и формулы. Черт ногу сломит!

Алена в волнении еще раз всмотрелась в диаграммы. Так и есть, папка прав – ни малейшего совпадения! Эти люди никак не могли быть родственниками! И уж точно не матерью и дочерью!

Повернувшись к Андрею, девушка произнесла:

– Данных результатов я не знала. Отец мне ничего не сообщил. Видимо, о них никто не знал, потому что они все радикально меняют. Дело в том... – Она запнулась, собралась с мыслями и продолжила: – Согласно сравнительному анализу ДНК, предпринятому моим отцом, кости девочки-подростка, идентифицированные как останки принцессы Василисы Любомирович, в действительности принадлежат кому-то другому. Потому что король Георгий никак не может являться ее отцом, королева Мария – ее матерью, а принцы – ее родными братьями!

Андрей ошеломленно посмотрел на Алену и пробормотал:

– Но ведь только что было объявлено как раз обратное! Эксперты заявили, что в том числе идентифицированы останки принцессы Василисы...

– Диаграммы говорят о противоположном! Девочка, чьи останки обнаружены в шахте, не была королевской дочерью!

– Может, королева согрешила с кем-то? – предположил Андрей, но Алена качнула головой:

– Королева никак не может являться ее матерью! ДНК подростка не совпадает с ДНК королевы и прочих Любомировичей. Если кто и был убит и сброшен в шахту, то никак не принцесса Василиса!

Андрей на мгновение замер, затем присвистнул и произнес, сам не замечая, что перешел на «ты»:

– Открытие твоего отца подобно землетрясению! Потому что если принцесса была не принцессой... Выходит одно из двух: либо при рождении девочку подменили, что, как я думаю, полностью исключено, ведь при родах королевы присутствовала масса свидетелей, либо была расстреляна вовсе не принцесса Василиса. Значит... – От волнения он поперхнулся. Прокашлялся и продолжил: – Значит, Алена, твой отец наткнулся на самый крутой исторический скандал века – Василиса в самом деле избежала смерти! Вот чего и страшатся Любомировичи! Потому что если все так, то именно она и ее потомки являются наследниками всего имущества короля. А герцогиня Зоя никак не может допустить, чтобы миллионы и миллиарды, а также возможная политическая власть уплыла из ее дряхлых ручек и из рук ее сына и внука. Старуха

не может допустить, чтобы наследницей и претенденткой на герцословацкий престол стала ее племянница Василиса. Чтобы утаить правду, твой отец и был убит! Наверняка Любомировичи пытались его обработать, предложили взятку, но профессор, судя по всему, отказался заявить, что останки принадлежат принцессе.

Алена, которая все еще не могла прийти в себя от открытия, спросила:

– Но что стало с Василисой?

– Надо ставить вопрос по-другому! – возразил синеокий авантюрист. – Меня больше интересует, жива ли она еще. Ведь до сих пор одна пожилая дама утверждает, что она и есть спасшаяся чудом принцесса Василиса. И, думается, она может говорить правду...

Василиса

– Ваше королевское высочество, мы на месте, – произнес дворцовый водитель.

Крытый автомобиль замер около расцвеченного огнями здания в Ист-Энде. Великий князь Георгий, младший брат короля Кароля VIII Любомировича, выпрыгнул из «Австро-Даймлера», принадлежавшего к дворцовому автопарку, во тьму.

– Подождешь меня здесь, – приказал великий князь, и водитель откликнулся:

– Всенепременно, ваше королевское высочество. Или прикажете все же сопровождать вас?

– Незачем! – ответил Георгий и, поправив фуражку морского офицера, направился к цели своего короткого путешествия.

Из окон дома доносились веселая музыка и женские голоса. Не успел великий князь надавить на пупочку электрического звонка, как дверь распахнулась, и его глазам предстала полуобнаженная ярко накрашенная девица в легком шелковом одеянии, которое гораздо больше открывало, нежели закрывало. Впрочем, для обительницы самого известного и разнузданного дома терпимости герцословацкой столицы облачение было еще целомудренным – нередко его обительницы вообще ничего не носили!

Яркий свет ударил в лицо Георгию, и великий князь, невысокий мужчина лет тридцати с небольшим, с холеной смоляной бородкой и розовыми щеками, непроизвольно сощурился.

– Жоржик приехал! – взвизгнула девица и бросилась великому князю на шею. – Милый Жоржик! А мы только что тебя поминали... Как хорошо, что ты снова навестил нас! Ах, как от тебя чудесно пахнет! Как же мы все по тебе соскучились! И в особенности я!

Девица прижималась к нему всеми своими прелестями, покрывала шею поцелуями, повизгивала и хохотала. Великий князь вошел в изукрашенный холл – колонны из розового и голубого мрамора, багряные с золотым тиснением обои, фривольные картины и еще гораздо более неприличные черно-белые фотографии.

Из недр дома терпимости выплыла и его хозяйка, дородная дама со сложной прической, в чрезвычайно узком канареечно-желтом платье. Она расцеловала гостя в обе щеки и, потрепав затем великого князя ладошкой по щеке, лукаво заметила:

– Милый Жорж, вы разбили наши сердца! Почему так долго не заглядывали к нам? Неужели вы нас забыли?

Маркиза де Шуазель, как именovala себя содержательница вертепа, в действительности, однако, была не француженкой и тем более не аристократкой, а дочкой герцословацкого священника (отец уже давно проклял свою младшую дочь, ставшую на путь плотского порока и мерзостного греха).

– Что вы, драгоценная маркиза! – в тон ей проговорил Георгий, снимая фуражку и шинель и оставаясь в мундире, украшенном несколькими орденами. – Как можно забыть вас и ваших прелестниц! Но вы сами понимаете, у меня масса дел государственной важности – то визит наследника греческого престола, то прием по случаю визита папского нунция... Скучно и однообразно, но я обязан принимать во всем этом участие!

Мадам де Шуазель, взяв великого князя за руку, увлекла его в большой салон, где царило неопишное: легко одетые, а то и вовсе голые, девицы играли на фортепиано, танцевали, распевали песни под гитару, миловались с клиентами. Великий князь кивнул нескольким мужчинам, которые ответили ему тем же. В обычной жизни такое было бы невозможно, они были обязаны вскочить с диванов и отвесить ему поклон, ведь Георгий был младшим братом короля и номинальным наследником престола. Но в публичном доме все правила хорошего тона теряли силу, что и импонировало Георгию. Кстати, наследником престола ему оставалось быть не так

уж долго – его невестка, королева Александра, супруга старшего брата, была на сносях и вот-вот грозила разродиться.

– Жоржик, Жоржик! – слышались со всех сторон восторженные крики. К великому князю ринулись развеселые девицы, которые обожали Георгия, – он был таким душкой, всегда любезен и галантен, никогда никого не обижал и не позволял себе поднимать на девушек руку, постоянно приносил прелестные дорогие безделушки и к тому же был таким лапочкой и красавчиком! Девушки облепили великого князя, стараясь привлечь его внимание, каждая старалась сделать так, чтобы именитый гость выбрал для эротических утех именно ее.

Георгию нравилось находиться в центре всеобщего внимания, потому что во дворце его никто не замечал. И то, что он был номинальным наследником престола, ничего не меняло. Ведь его брату, королю Герцословакии, было двадцать девять (сам Георгий был на полтора года его младше), Кароль отличался завидным здоровьем и мог просидеть на престоле еще и тридцать, и сорок, а то и все пятьдесят лет.

Старший брат был чрезвычайно щепетилен в вопросах морали и женился намного позднее младшего. Первая его супруга, королева Зоя, греческая принцесса, разродилась мертвой девочкой и сама скончалась от горячки три дня спустя. В течение долгого времени Кароль, правивший страной с 1924 года, был безутешен, но молодые годы и династические принципы взяли свое, и он снова женился – на британской герцогине Александре, которая понесла едва ли не в первую брачную ночь. В отличие от первой супруги, которая была болезненной и хилой, англичанка отличалась великолепным здоровьем, а ее матушка произвела на свет целых тринадцать отпрысков, поэтому никто не сомневался, что страна наконец-то получит долгожданного наследника престола.

Георгий, который никогда не интересовался государственными делами, не помышлял, что станет когда-нибудь королем. Его брату корона досталась случайно – осенью 1924 года мятежный гвардеец, придерживавшийся анархических воззрений, застрелил его величество короля Кристиана V, и той же ночью королева Зинаида произвела на свет мертвого мальчика. На престол вззошел Кароль, который, как и его младший брат, тоже не чаял стать королем – он был одним из троюродных кузенов Кристиана, великих князей. Так Георгий вдруг стал наследником престола.

Но молодой человек знал, что корону герцословацких монархов ему никогда не носить, да он и не печалился по данному поводу. Быть королем в этой горной стране – сущее наказание и, кроме того, чрезвычайно опасно для жизни. Из монархов, занимавших трон с начала двадцатого века, двое были убиты, а один скоропостижно скончался от чахотки. Георгию было хорошо и в ранге одного из ближайших родственников венценосца – никаких тебе забот, никаких государственных дел, можно жить в полное свое удовольствие, тратить впустую деньги и ничего не делать! Георгий чувствовал себя счастливым, и если бы ему предложили корону, тотчас от нее отказался бы. Он не был создан для управления Герцословакией и ждал того момента, когда же его невестка родит наконец наследника. Тогда он получит возможность уехать за границу, например в Париж или Нью-Йорк.

Георгий считал, что глубоко несчастлив в личной жизни. У него было уже три сына, которых подарила ему супруга, великая княгиня Мария, немецкая принцесса. Мария была прелестна, как майский день, однако обладала на редкость истеричным характером. Если бы Георгий это знал раньше, то никогда бы не согласился взять ее в жены. Но особенности ее душевного склада выяснились уже после бракосочетания. Кроме того, Мария увлекалась мистицизмом, спиритизмом и верила в переселение душ, что вообще-то противоречило канонам главенствующей в Герцословакии православной религии. Жена являлась доктором философии Геттингенского университета, и Георгий перед ней трепетал. Любил ли он ее, великий князь сказать не мог. Однако боялся.

Но это не мешало ему регулярно наведываться в публичные дома, расположенные в районе «красных фонарей». Всего несколько лет назад появляться здесь представителю королевской династии было крайне опасно – жестокий маньяк по прозвищу Вулк Сердцеед убивал дам легкого поведения и, оправдывая свою кличку, вырезал у них сердца и поедал их. Самое ужасное, что, по слухам, убийцей был не кто иной, как принц Венцеслав, чуть не ставший королем Герцословакии и находившийся уже несколько лет в закрытой психиатрической лечебнице под строгим надзором медиков².

Времена изменились, на дворе стояло позднее лето 1931 года, и об истории с кровожадным убийцей успели позабыть. Европу, как и весь мир, охватил экономический кризис, в Герцословакии сотни тысяч людей в одночасье потеряли работу, банки лопались один за другим, и каждый был занят только одним – стремился выжить. Георгию до всего этого не было дела: все его прихоти удовлетворялись. Несмотря на то, что казна Герцословакии была пуста, двор по-прежнему вел чрезвычайно пышный и расточительный образ жизни...

Великий князь перецеловал всех девушек, и его шаловливые руки обшарили их пышные тела. Нет, что ни говори, а его Мария не могла сравниться с этими красотками! Жена относилась к интимной стороне супружеской жизни с нескрываемым омерзением, считая ее гадостью и свинством. В постели она лежала, закрыв глаза, закусив тонкую губу, и желала, чтобы «это» завершилось в течение минуты, от силы двух. Георгий в последние годы проводил в спальне жены (они квартировали в разных концах королевского дворца) не больше одного или двух раз в месяц. Мария не жаловалась, а, наоборот, кажется, была очень довольна – она родила троих сыновей, и два раза у нее случился выкидыш. Сейчас Мария была снова беременна.

² История Вулка Сердцееда изложена в романе А. Леонтьева «Ночь с Каменным гостем», издательство «Эксмо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.